

Женя Декина

Кропаль

Роман

Над долиной летел крупный орел. Его силуэт пропадал, сливаясь с горами, и внезапно появлялся снова, выделяясь на фоне прозрачного неба.

Солнце уже поднялось, горы сбросили с себя утреннюю полутьму, и раскаленный воздух застыл. Сугар молча вглядывалась в нависшую над ней стену скалы, и расселины, избороздившие поверхность, сами собой складывались в ухмыляющийся профиль Эрлика. Сугар старалась его не видеть, различить в глазнице дерево или камень, чтобы смотреть на них, и профиль рассеялся, но злобный Эрлик появлялся снова. И только орел на мгновение отвлекал от этой пугающей улыбки.

В голове сама собой зазвучала старинная песня. Про то, как в давние времена, когда горы эти были еще маленькими камушками, а река — влажным отпечатком копыта степной лошади, пробрался Эрлик в пещеру и осквернил сотворенного Кудаем человека, измазал его и наплевал. И у человека от этого по телу пошла шерсть, как у зверя, и пот стал вонючим. Кудая пришлось брить и чистить человека, но совсем отмыть его он не смог. И так рассердился Кудай на Эрлика, что изгнал его. Эрлик летал по свету вместе с орлами и нигде не мог приземлиться. И устал он, и выпросил у Ульгения столько земли, чтобы можно было воткнуть в нее свой посох и усесться на нем, обратившись орлом. И пожалел Ульгений Эрлика, не знавшего отдыха сто дней и сто ночей, и дал земли ему, но Эрлик проткнул посохом землю, и вылезли из нее все гады и болезни человеческие. И Олгой-Хорхой.

Старухи говорят, что праотец-лысое-небо давно оставил проклятую долину, и дары Тэнгиза принимает теперь злобный Эрлик. Он изгнал из долины духов отцов и привел за собой Олгой-Хорхой. Все знают это. Только Тэнгиз продолжает чтить предков своих и носит им подарки. Он говорит, что, если бы все делали как он, праотцы вернулись бы в долину, но ему уже никто не верит. Даже старый кам ушел, когда праотцы в третий раз отказали ему в дожде.

Орел появился снова, и Сугар подумала, что если бы у людей были крылья, то муж ее, Эрдем, большой и сильный, перелетел бы пустыню за один день. И огромный безголовый червь Олгой-Хорхой, похожий на толстую кишку коровы, не проглотил бы его, как он проглотил ее отца, и мать ее, и братьев.

Декина Евгения Викторовна родилась в 1984 году в Прокопьевске Кемеровской области. Окончила Томский государственный университет по специальности «Современная литература и литературная критика» и сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Лауреат Волошинского конкурса, лауреат премий «Росписатель», «Звёздный билет» и др.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 2.

Орел исчез, и горы, темно-зеленые и безнадежно спокойные, снова нависли как тень. От этого небо над ними показалось страшно глубоким и пустым.

Сугар выбросила измочаленный конопляный побег, утерла лоб рукавом рубахи и сорвала новый. Эту нателную рубаху она берегла и надела только теперь, когда старая рубаха протерлась на груди до бесстыжих дыр. Эту рубаху отдала она мужу в их последнюю встречу и наказала, что, если не сможет он вернуться к ней, пусть подарит рубаху новой жене своей, и та пусть носит под нею его новых детей. Сугар говорила тогда, но думала, что если бы и вправду нашел Эрдем себе новую жену, то Сугар удушила бы его этой рубахой. Эрдем тоже знал это и улыбался, слушая слова старинного прощания. А потом Олгой-Хорхой сожрал его, большого и сильного.

Рубаху привез ей Тэнгиз. Вместе с ножом для убоя скота. По традиции он должен был перейти от Эрдема к Мунху, но Сугар продала его, чтобы купить детям еды.

Рядом промелькнула бритая голова Мунха. Сын бегал перед ней в высокой траве, полностью скрывавшей его. И Сугар на мгновение показалось, что он, обнаженный и загорелый дочерна, сейчас разгонится и тоже взмоет вверх, в это бескрайнее и пустое небо.

Заметив, что она смотрит, Мунх вернулся к матери. На губах его, спекшихся и растрескавшихся, выступила белесая пена. Весь он был покрыт бурой конопляной пылью и оттого казался загорелым. Он попытался устоять, уперев руки в дрожащие колени, но не смог и тяжело опустился на траву. Сугар присела рядом и принялась торопливо растирать его. Одной рукой она скатывала пыльцу, а второй — собирала катышки на широкий лист. Мунх лежал на земле и все так же часто дышал, не глядя на мать и не мигая. Морщился, когда она слишком сильно давила на его подрагивающее тело.

Сугар скатала похожие на пластилин катышки в маленький круглый комочек и вздохнула. Мунх услышал ее печальный вздох и приподнялся. Она омыла его тело водой из старой мятой пластиковой бутылки, помогла ему встать и повела прочь от поля.

Дома мальчику стало хуже. Его била мелкая дрожь, и ему казалось, будто сквозь него проходит ветер, оттого тело колыхается, как истертая, наброшенная на кол во дворе тряпка, которая раньше была маминой рубахой. У мамы было очень длинное лицо, растекшееся до самого пояса. Мама подошла и завернула Мунха в колючий куст. Он знал, что это не куст, а покрывало — оно знакомо пахло кислым молоком, но видел он все равно куст. Около куста бегало какое-то маленькое животное — суслик или брат. Оно влезло на топчан и заволкло на мальчика вытертый отцовский тулуп. Тулуп прибил куст к земле, как снежная шапка придавливает траву и деревья, и ветер больше не мог проходить через тряпку. Ветки куста сильно помялись и щекотались внутри. Они хотели прорасти сквозь тулуп, но не могли, потому что до весны было еще далеко, и это был уже не тулуп, а земля, стоптанная, как коровья тропа.

Подошла мама. Теперь у нее было уже нормальное, короткое лицо. Только немного грустное. Она поправила землю и потрепала брата по голове, тот улыбнулся и сполз с топчана.

Брат прошлепал к столу. Мунх тоже хотел пойти и поесть, но не мог, потому что кусты не ходят. Он лежал и слушал, как мама сняла с печи чугунный казанок и поставила прямо на стол. В комнате запахло жженым деревом и похлебкой.

Из-под стола вылезла маленькая сестренка. Мунх видел, как она замешкалась перед лавкой, пытаясь влезть то с правой, то с левой ноги, потом все же отложила соломенную куколку, которую держала в руках, и вскарабкалась. Потянулась к казанку. Мама прикрикнула на нее и принялась разливать еду в глиняные пиалы. Куски вареных корней шлепались в бульон — похлебка оказалась густой. Потом потемнело. Большое и теплое нависло над ним.

Мальчик подумал, что сейчас мама выльет пиалу ему на голову, потому что он куст, и тогда он уменьшится и станет плавать в похлебке, но она просто напоила его. От стука зубов о глину по телу пошли мурашки, горячее протекло в него и наполнило. Теперь Мунх дышал ровно и видел все правильно.

Он, кажется, заснул и проснулся оттого, что дверь резко распахнулась. Сестренка заплакала от неожиданности, а брат вскочил, и черепки, с которыми он играл, просыпались на пол.

На пороге стоял Тэнгиз. У него опять был другой костюм, теперь красный, но тоже «Аидас», и с лампасами. Это было красиво, но еще красивее переливалась толстая золотая цепь у него на шее. Сам Тэнгиз был страшный, но на него все равно никто не смотрел, все любовались костюмом и цепью.

Сугар торопливо поднялась и вытащила из-за притолоки тряпицу, в которую были завернуты собранные катышки. Тэнгиз сунул ей в руки толстые каменные четки — подержать, смял катышки вместе. Получился комок размером с яйцо маленькой птички.

Тэнгиз забрал у женщины четки.

— Что ты мне даешь? Это мало.

Сугар умоляла подождать, но уже заранее знала, что не уговорить. И правда, Тэнгиз только разозлился.

— Я килограмм должен отправить, у Каиржана недобор, где я теперь возьму? Кобылу забираю.

— Нет-нет, Тэнгиз, без кобылы никак, дети у меня, Тэнгиз...

Сугар схватила его за руку, он отпихнул ее:

— Столько же до темноты Рустэму принесешь.

— Олгой-Хорхой, — простонала мать, но он уже вышел, громко хлопнув дверью.

Сугар вздохнула и села на лавку. Подумала и решительно поднялась:

— Пошли, — сказала она младшему.

Тот обрадовался и бросился к ней. Мунх резко сел, голова все еще кружилась, и он чуть не рухнул с топчана:

— Я пойду.

Сугар отмахнулась. Мунх спустился и оттолкнул от нее брата:

— Не смей его, я пойду.

Мунх, с трудом передвигая ногами, бегал по полю, потряхивая опущенной головой, как умаянный конь. Сугар поглядывала на него, всхлипывала, с остервенением терла меж ладоней верхушки конопляных побегов, собирая на лист катышки гашиша. Она слепила из них шарик. Не больше горчичного семечка. Она принялась тереть снова. Слева послышался шум. Она обернулась и увидела младшего, который тоже, раздевшись догола, бегал по полю. Она ахнула. Младший подбежал к ней, довольно улыбаясь:

— Я тоже помогаю! Я молодец?

Сугар схватила его за руку, развернула и звонко шлепнула по голой заднице:

— Ах ты! Ну-ка домой! Быстро!

Мальчик бросился прочь, на ходу подхватив одежду.

Сугар осмотрелась. Конопля стояла перед ней неподвижной стеной. Она заметалась и стала звать сына, но ответа не было. Она бросилась в заросли.

Мунх лежал на спине, держась обеими руками за грудь. Глаза его были широко открыты, язык опух и вывалился. Она упала на колени, потрясла его за плечи, но Мунх не двигался. Сугар приложила ухо к груди, чтобы услышать сердце, но уже не поднялась — было тихо.

Безголовый червь Олгой-Хорхой проглотил и Мунха.

Рустэм прижал Оуюн к себе. Хотелось раздеть ее и сделать своей женой, но надо было подождать. Тэнгиз обещал разрешить свадьбу после этой доставки. Оуюн была такой горячей, что Рустэм чувствовал — и она хочет, от этого было еще мучительней. Холодный ветер обдувал их, и тепло сохранялось только там, где они соприкасались — если бы не этот ветер, то Рустэм не смог бы сдержаться — лег бы с ней прямо здесь, у загона.

Собиралась гроза, на долину шла тяжелая черная туча, искрившая на горизонте, и воздух тоже отяжелел.

Рустэм нежно потрепал девушку по голове, получилось неловко, но она только плотнее укуталась в полосатую шаль и, поежившись, прижалась к нему. Хотелось успокоить:

— После свадьбы в Россию ходим. Ты же там не была... Там красиво. Особенно ночью — огни везде... высокие дома, асфальт.

— Подумаешь, асфальт. В райцентре тоже асфальт... Об него подковы в два раза быстрее стачиваются.

— А в России нет лошадей, там машины...

— Совсем нет?

Он помотал головой:

— И загонов нет — некуда лошадь ставить. Живут в коробочках узких, друг на друга поставят коробочки и живут. И машины в коробочках.

Она фыркнула:

— Глупые русские, значит.

— Почему?

— К машине бензин надо покупать! Дорого. А кобыла идет — сама себе еду ищет. Молния сверкнула особенно ярко, девушка вздрогнула и сказала тихо:

— Может, не пойдешь?

— Надо. У Тэнгиза проблемы будут.

— Шакал твой Тэнгиз! А ты вокруг него пляшешь!

— Он моя семья. У меня, кроме него, никого нет.

Девушка обиделась, отошла. Рустэм подумал, но не пошел за ней.

— И он мне жизнь спас, — добавил он вслед.

Но она и на это не обернулась. Рустэм хотел проститься на хорошем, но Оуюн давно пыталась настроить его против брата. И нужно было, чтобы она еще до свадьбы уяснила — Тэнгиз в его жизни будет всегда. Каждый день. Из года в год.

Рустэм отворил калитку и свистнул. К краю загона прискакала кобыла. Он вскочил на нее и, стукнув пятками по бокам, умчался вдаль.

Оуюн не ушла — стояла и всматривалась в темноту, освещаемую редкими всполохами вдали.

Полило.

Она тоже свистнула кобылу, но к ней подъехал Тэнгиз:

— Ты его зачем отпустила? Гроза на Пилораме!

— Я отпустила? — Оуюн разозлилась. — А зачем приказал?

— Кам из района только через неделю дождь обещал. Два барана взял.

— А накамтал сегодня! И как теперь?

— Может, вернется...

Грохнуло вдали. Чуть погода молния прорезала небо, осветив жмущихся под навесом кобылиц.

— Э... Братишка...

— Братьев на такое не отправляют!

— А кого отправлять? — изумился Тэнгиз. — Никому не верю.

— Рыщешь, все рыщешь, высматриваешь, где бы еще чего урвать!

— Кровь у нас такая, добычи просит. Денег не заработаю — плохо мне, как голодный. Ничего, скоро всегда сытый буду. И деньги мне мешками принесут. И Рустэм заживет, и тебе перепадет, если он тебя не бросит.

— Не бросит.

— Ишь ты, — усмехнулся Тэнгиз. — Там русскую найдет себе, белую, или шорку, и все.

— Пф, — Оуюн усмехнулась.

Она с детства была первой красавицей, а потому и вообразить не могла, что можно предпочесть не ее.

— Русские белые все, как больные, а шорки страшные, на медведиц похожи.

— Разные бывают, я видал.

— Он не такой, это ты гарем хочешь.

— Я гарем не хочу. Я хочу ипподром.

— Чего?

— В России был, на картинке видал. Площадь такая круглая, а на ней лошади скачут.

— Загон?

— Сама ты загон. Наперегонки скачут, а все на деньги спорят, какая быстрее придет.

— Так ясно, какая. Я тебе и без спора скажу.

— Это ты знаешь, а русские табуна этого не пасли, они смотрят и угадывают.

Не угадал — давай деньги.

Оуюн искренне расхохоталась:

— Ой, дураки! Вот русские, а...

— Надо только в поле делать, и чтобы все подпаски в доле, а то расскажут, и мне тогда русские денег не дадут. Угадают все сразу.

— Ну ты придумал, а...

— Не я это, Рустэм.

Послышалось издали конское ржание. Кобылы встрепенулись и дружно ответили.

Девушка, не дослушав, выскочила под дождь:

— Вернулся!

Кобыла Рустэма прискакала к загону. Оуюн бросилась к ней, впустила ее в загон, кобыла спряталась под навесом.

Девушка подошла к Тэнгизу. Тот закурил косяк, поднял на нее затуманенные глаза и спросил:

— Тебе лет-то сколько?

— Да пошел ты, — буркнула Оуюн и зашагала прочь.

Тэнгиз остался под навесом, задумчиво глядя в сторону гор. Меж двух заснеженных вершин была зажата третья, плоская, как столешница. Снега на ней не было, потому что она была гораздо ниже. Тэнгиз выдохнул дым, посидел немного и вдруг тихонько запел по-русски:

— Очень сильно пьяный Лама падал-падал с Пилорама... Ты прости, родная мама... Падал-падал с Пилорама...

Тэнгиз вспомнил, как они с Рустэмом хотели заработать свои первые деньги. Для Рустэма они, конечно, были не первыми — пацан постоянно побирался у дацана, а вот Тэнгиз попытался тогда впервые.

Летом они бегали купаться на реку — купанием это назвать было нельзя — так, окунались быстренько в ледяную воду и выскакивали на горячие колючие камни. Камни вонзались в кожу, иногда до кровавых точек, но остроты их они не

чувствовали — после реки кожа леденела, зато потом резко отогревалась, не только от жгучих лучей солнца, но и изнутри — будто внезапно растопили очаг в животе.

Тэнгиз почувствовал, что хочет искупаться — он с детства туда не ходил и мылся, как русские — в уличном душе нагретой солнцем водой. А в холода Тухай грела воду в очаге. Он вспомнил Тухай и ее упругие налитые бедра, за которые так удобно было держаться. Спаривалась она бешено и даже рычала от удовольствия, как животное, а потом снова становилась далекой и ворчливой. Жила рядом, не поднимая на него глаз, не заговаривая, и ни о чем не прося. Он хорошо платил ей и знал, что его едой она кормит своих детей и мужа с тоскливыми глазами. Муж ничего не умел, работы для него не было, поэтому он целыми днями просиживал у ограды и был для Тэнгиза кем-то вроде секретаря. Рустэм говорил, что было бы здорово завести доску с мелом прямо у входа, как у русских в школах, и записывать, кто приходил, кому что передать, но даже сам Рустэм читать не умел, поэтому смысла не было. Тэнгиз надеялся, что муж не знает о том, что Тухай делает для него абсолютно все, но, скорее всего, муж знал, оттого и смотрел вокруг взглядом подыхающего пса, ждущего путников с едой у пустого дацана. Иногда Тэнгизу становилось стыдно, особенно после того, как к нему заходил Рустэм и долго приглядывался к Тухай. Тогда Тэнгиз решал, что больше ее не будет. Но с другими надо было возиться, чего-то объяснять, врать или брать силой. Они могли оказаться невымытыми, больными, слишком широкими там или просто не рычали, а тут все готово. И менять что-то Тэнгиз не хотел. Жениться он собирался позже и даже не думал о том, чтобы выгнать Тухай после женитьбы. Она была не отдельным человеком, а частью его самого, как отец или Рустэм. Тэнгиз вспомнил смерть отца, похороны и то оглушающее чувство пустоты, к которому никак не получается привыкнуть. И неясно, как теперь быть — плакать, пить, драться или молиться — просто отпавший кусок, без которого больно и неловко жить.

Тэнгиз покурил еще. Не хотелось думать о том, что Рустэм в опасности.

Рядом с тем местом, где они обычно окунались, был обрывчик, а под ним банка — вода от подводного течения заворачивалась в здоровенную петлю. Рустэму эта петля никак не давала покоя — он бросал туда камешки, палки, а как-то кинул бездомного пса, прибившегося к нему. Пес бултыхнулся, мгновенно ушел под воду — будто река выпила его одним глотком. Пса выкинуло вверх через пару метров, живого. Он прокашлялся и, цепляясь когтями за осыпающиеся камни, выбрался на берег.

Рустэма это так впечатлило, что он все свободное время торчал у банки. Тэнгизу тоже было интересно, какие камни лежат на дне в этом месте и почему банка получается настолько мощной, но лезть и проверять ему и в голову не пришло. А вот Рустэм никак не мог успокоиться. Он даже заставил Тэнгиза помочь ему бросить в банку здоровенный валун, который они вдвоем подтащили к обрыву. Валун выплонуло тоже.

— Прыгать буду, — сказал Рустэм утром, и Тэнгиз ахнул.

— Давай, я тебе денег дам, а ты не будешь.

Рустэм не понял — Тэнгиз и так постоянно давал ему денег, и почему за это надо платить, ему было неясно. Пока они обсуждали это, придумали, что деньги давать должны те, кто придет посмотреть.

— А если ты умрешь? — не сдавался Тэнгиз.

— Богаче станешь.

На прыжок пришли посмотреть все. И все заплатили. Не деньги, конечно, — красивые черепки, лепешки, блестящие фантики от русских конфет. Но перед самым прыжком случилось страшное. Тэнгиз, стараясь встать поудобнее, якобы случайно столкнулся в банку одного из сыновей Доржи, тот ухнул и выплыл через пару метров — мертвым. Тэнгиз и Рустэм достали его, но помогать было бесполезно — посреди лба у него был мясной пролом, из которого сочилось.

Все были уверены, что Тэнгиз толкнул мальчика случайно, и только Рустэм все сразу понял. По глазам прочитал, еще за секунду до удара, что Тэнгиз знает, что он сейчас делает. Тэнгиз и правда знал. Знал, что Рустэм умрет, знал, что он все равно прыгнет и отговаривать его бесполезно. Знал, что нет у него никого ближе после смерти матери, и как сделать, чтобы не прыгал — знал тоже. Сын Доржи в расчет не брался. На его месте мог быть его старший или младший брат, или другой нищий мальчик. Нищие вообще значения не имели, они и так умирали на каждом шагу, а вот Тэнгиза берегли и боялись — единственный сын большого человека, который если обозлится на тебя, то лучше сразу в банку.

Когда Рустэм сказал, что Тэнгиз убил, тот сначала даже засмеялся — убивают в бою, взрослые воины, а он так, спихнул пацана в воду, чтобы Рустэм не прыгнул. И чувства вины он тогда не испытывал. Отца боялся — это да. Все накопленные деньги они отдали Дорже, но отцу все равно пришлось много заплатить, чтобы Доржа не обижался.

Тэнгиз боялся, что отец выпорот его бичом, как он иногда делал, но отец почему-то подумал, что прыгать собирался Тэнгиз, а не Рустэм, и только для того, чтобы заработать.

— Клянись мне, что за деньги нищее мясо умирать будет, а мой сын умный, он продолжит мой род.

Тэнгиз поклялся. С тех пор рисковал всегда Рустэм, он и до этого рисковал, конечно, но теперь у Тэнгиза появилось объяснение — клятва. Тэнгиз не то чтобы был трусом, нет, он и дрался, если надо, и на зверя выходил, и в Россию к Фархату иногда ездил сам, но старался беречься. Рустэм тоже его берег. Случай с сыном Доржи так поразил, что он навсегда и безоговорочно привязался к Тэнгизу. Легкомысленный сирота, живущий только здесь и сейчас, никогда не думавший, шедший на еду, почувствовал в тот момент, что Тэнгиз с ним. Что он тот, кто сможет защитить его от него самого, от его любопытства, смелости и беспокойности. Он слушал его во всем, во всем спрашивал совета, и деньги все хранил у Тэнгиза. Правда и брал их сам — просто заходил и доставал, но покупать особо было нечего — так, на девчонку или еду.

Тэнгизу странно было думать, что Рустэм женится. Да еще и на этой строптивой Оуюн, которая думает, что на что-то влияет. Нет, Тэнгиз не стал бы вредить ей — он не хотел, чтобы Рустэм был злой или грустный, но Рустэм и сам кинет ее, если она встанет между ними. У него тоже, кроме Тэнгиза, — никого.

Рустэм вышел из неглубокой штольни и посмотрел вверх. Небо не прояснялось. Он снова влез в штольню и задумался. Можно было рискнуть — дождь еще не успел как следует промочить камни, а если ждать, то лить перестанет, но по скользким скалам вверх ему не добраться. Рустэм торопливо снял со спины небольшой рюкзак, перевесил его вперед, под куртку, наглухо застегнулся, завязал капюшон и вышел в дождь.

Рустэм любил дождь. Несешься на своей Чёрной по бескрайней степи, ветер в лицо, трава хлещет по ногам, и ни черта не видно. Но от лошади к телу такой жар разливается, что сразу легко и спокойно. Чёрная не подведет. Тэнгиз, правда, хотел машину. Вроде как и под навесом сидишь, и едешь одновременно. И палочки чтобы непременно по стеклу елозили — воду смахивали. Рустэм машинам не доверял, но мечтал, что пригонит когда-нибудь Тэнгизу самую огромную и мощную, на манер тех, в которых русские лошадей возят.

Цепляясь за крупные, угловатые валуны, он полез вверх. Вскарabкавшись на обточенный ветром камень, скользкий от дождя, он чуть было не слетел вниз, но вовремя уцепился за чахлый кустик. Кустик вырвался с корнем, однако Рустэму этой поддержки хватило, чтобы сохранить равновесие. Внутри противно заглодело,

пришлось постоять и успокоиться. Он посмотрел вниз и весело пропел, подбадривая себя:

— Очень сильно пьяный лама падал-падал с Пилорама. Ах, прости, родная мама, не осталось даже шрама, весь погиб он без изъяна...

Эту дурацкую песню он сочинил еще в детстве, когда с Тэнгизом впервые сбежали в Россию. Детство Рустэм помнил смутно. Неприкаянные, болтались после Большого Мора с отцом по степи. Ни еды, ни воды. И только спотыкающийся оголодавший конь под тобой — маленькая точка в бескрайней степи. Отец прибивался к чужим стадам, батрачил, перепродавал, воровал, когда дела шли совсем худо. И когда его, как конокрада, вздернули на перекладине у райцентра, Рустэм остался один. Тэнгиз тайно таскал ему лепешки из дацана, а потом и вовсе уговорил отца взять к себе в подпаски.

И чем Рустэм ему отплатил? Увел единственного наследника в Россию! В Россию, где живут лжецы и трусы, где за все надо платить, а людей даже убить нормально не могут — держат в клетках годами, чтобы они сами сдохли. Рустэм вспомнил, как орал отец Тэнгиза, и его обвислые щеки резко вздрагивали, как у пса. Это был странный человек, и Рустэм старался держаться от него подальше. С одной стороны, он вроде бы был глуп и счастье находил только в своем бахвальстве. Бахвалился он всем: стадом, табуном, одеждой. И улыбка такая, что лицо у него становилось похожим на отполированный казан — и смешно, и бесит. Но, с другой стороны, дела он вел мудро и не жадничал лишний раз, в отличие от Тэнгиза, который вздыхал по поводу каждой копейки. Тэнгиз тоже унаследовал это бахвальство и терялся, когда Рустэм подшучивал над ним. Но Рустэм делал это редко — они были вместе так долго, что уже надоело.

Рустэм взбирался по камням все выше. Лез медленно и дышал уже тяжело. Наверх почти не смотрел, двигался на ощупь, по-звериному скалясь от хлеставших в лицо дождя и ветра. Почти вскарабкавшись на очередной выступ, Рустэм ощутил сильный удар в грудь и повис на руках. Ногами он еле успел нашарить опору. Посмотрел наверх. Над ним стоял горный козел и пялился. Рустэм не сразу сообразил, а потом засмеялся и прокричал с облегчением:

— Мать твою, гребаная козлиная! Да я из-за тебя чуть не обосрался!

Козел не испугался. Стоял и смотрел вниз на зависшего под ним на крошечном уступе человека. Рустэм подтянулся было, но козел угрожающе проблеял и цокнул копытом. Рустэм удивился:

— Ты че это, козел? Пошел отсюда! — но козел не двинулся с места. Тогда Рустэм крикнул еще более сурово:

— А-ну! — и резко подтянулся.

Козел попытался боднуть, но не достал. Рустэм снова повис.

Подумав, Рустэм стал обходить козла, чтобы подняться правее. Козел шел поверху, не спуская с него глаз. Рустэму пришлось спуститься ниже, сделав приличный крюк, чтобы взобраться. Оказавшись выше козла, Рустэм посмотрел вниз. Небольшое стадо лежало в узкой природной штольне. Козел все еще не сводил с Рустэма взгляда.

— На тебе, козлиная! — Рустэм вытащил из скалы увесистый булыжник и запустил в животное. Козел, легко перепрыгивая с камня на камень, поскакал к Рустэму. Стало страшно и весело от этого страха и нелепости происходящего. Козел — еда, и он гонится за человеком. И Рустэм бы вынул нож и прирезал бы его, но по мокрым камням козел двигался, как прилипший, а Рустэм даже равновесие удерживал с трудом:

— Мать твою! — и торопливо взобрался выше.

Козел не погнался за ним. Рустэм присел на камень и расхохотался:

— Козел напал! Никто не поверит...

Дождь теперь шел ниже Рустэма. Рустэм легко карабкался наверх, цепляясь руками и ногами. То рука, то нога соскальзывали по влажному камню, но он держался

устойчиво. Остановившись передохнуть под отвесной, почти гладкой стеной, он нащупал под курткой рюкзак и испуганно замер. Он расстегнул куртку, открыл рюкзак и успокоился — мешок с грузом был там.

Рустэм присел, развязал мешок, достал круглый, размером с перепелиное яйцо кусок плана. Слишком нервная доставка. Надо было завтра идти. Отщипнул немного, вынул из внутреннего кармана пачку «Беломора». Папиросы промокли. Он попытался выпотрошить беломорину, но не вышло. Мокрая папиросная бумага рвалась. Он выбросил пачку:

— Мать твою!

И посмотрел вниз. Где-то внизу шумел дождь, но из-за темноты и туч ничего не было видно. Будто он сидел на невысоком обрыве над рекой. Светало. Он вздохнул и полез выше.

Рустэм подтянулся и вскарабкался. Наверху росла трава и даже деревья. Он подошел к деревцу и сел под ним. Посмотрел на часы. Рано. Можно было поспать, но заснуть Рустэм не успел — из-за небольшого пригорка появился человек.

Он медленно приближался, опасливо оглядываясь. Рустэм хотел было встать, но от усталости лишь помахал рукой. Человек помахал в ответ и подошел.

— Здорово, Хорёк! Курить есть? — сходу выпалил Рустэм.

— Курить у тебя есть, — хитро улыбнувшись, ответил подошедший. Это был невысокий шуплый мужичонка, и впрямь сильно походивший на хорька. Хорёк стоял над Рустэмом и осматривался, хотя никого вокруг быть не могло. Видимо, это привычка — постоянно проверять обстановку.

— Папиросы вымокли, — ответил Рустэм.

— А с нашей стороны дождя не было. Две недели уже, — Хорёк быстрым движением вынул из кармана сигарету, протянул Рустэму, и пока тот принимал сигарету, он другой рукой уже достал и протянул ему зажигалку.

Рустэм закурил, и, поднявшись, принялся развязывать рюкзак. Дым попадал ему в глаз, и он шурился. Хорёк проверил товар — брусок и отдельный кусочек размером с перепелиное яйцо.

Хорёк прибрал товар и достал из-за пазухи завернутые в газету деньги, сунул Рустэму. Рустэм тоже решил проверить, и пока он был увлечен разворачиванием газет, Хорёк бесшумно скользнул назад и, размахнувшись, столкнул его вниз. Рустэм, растеряв газеты, ухнул с горы. Хорёк торопливо сунул мешок с планом за пазуху, подхватил рюкзак Рустэма и подошел к краю.

Тело Рустэма, неестественно вывернутое, лежало совсем рядом, на камнях. Рустэм не двигался, и вокруг него темнело — скорее всего, умер, но высота была небольшая. Пришлось проверить — Хорёк чертыхнулся и принялся спускаться.

Умер, да.

Не глядя на лицо Рустэма, Хорёк подволок его тело к обрыву и спихнул. Бросил туда же и рюкзак.

Пекло так нещадно, что жухла на деревьях листва. Хорёк торопливо шел по дороге и вспоминал географичку. Не саму ее, конечно, а то, как поссорился с ней в шестом классе. Она заставляла учеников вести дневник погодных наблюдений. Его, конечно, никто не вел, староста рисовал в своем дневнике всякую ерунду, а остальные списывали с разницей в пару градусов, чтобы она не пропала — якобы в разное время дня все отмечали, и у кого-то градусник в тени, а у кого-то на солнце. Хорёк как-то решил отметить правильно и дать списать старосте, но тот списывать у двоечника отказался. Хорёк, упираясь, доказывал географичке, что в июле было сорок три, на следующий день сорок пять и даже пятьдесят два в конце месяца, но она не поверила — сказала, что в их широтах такой аномальной жары не бывает. Хорёк даже

пошел в библиотеку и прочел в энциклопедии, что действительно, до тридцати семи самое большое, но не могли же врать все градусники города? Это потом он узнал, что пятьдесят два бывает из-за угольной пыли. Черная мелкая взвесь накаляется в воздухе, греет, и жить невозможно, и дышать.

И сейчас от каждого его шага от дороги поднимался невысокий столбик черной пыли. Хорёк хотел не смотреть под ноги — от одного только взгляда в глотке начинало першить, а нос, казалось, забивается налипающей грязью, но все равно замечал — привык быть начеку с раннего детства — у щуплого тоненького мальчишки особенного выбора не было. Хочешь жить — умеи вертеться, как говорила ему мама. Мама сама пекла хлеб и варила такой борщ, что даже Мордаше ни разу не удалось повторить, хотя готовила Мордаша лучше всех баб в городе.

Надо было бы зайти к маме на могилку, чтобы она там, наверху, замолвила за него, кому следует, — убийство все-таки, но у кладбища Хорьку почему-то стало казаться, что за ним наблюдают, и он свернул. Ощущение это не пропало и в городе — из окон, из приоткрытых дверей сараев, даже из попадавшихся на пути прогнивших погребов на него могли смотреть.

Как и любой выросший здесь, на земле беглых каторжников, среди шахтовых провалов и заброшенных разрезов, Хорёк не боялся чудовищ, привидений или какого-нибудь там дьявола. Хорёк боялся людей. Он точно не помнил, когда зародился в нем этот страх, но чувствовал его как особенный спазм в затылке, где-то под ушами. Губы сами расплывались в заискивающую улыбку, в горле возникал ком, который фиксировал это растяжение, и тогда нормально говорить не получалось. И даже если помассировать челюсть, улыбка не пропадала сразу. Это появилось еще в детстве, но избавиться от привычки Хорьку так и не удалось.

— Че, не рад? — спрашивал отчим угрожающе. — А ну, зубы покажи!

И Хорёк улыбался ему. За что тут же получал увесистый подзатыльник.

— Меня так воспитывали, и я так воспитывать буду, — повторял он поначалу возмущавшейся матери. — Пацан должен отцовскую руку чувствовать, тем более, он знает, за что...

Хорёк был тихим послушным ребенком, и за что — он понятия не имел. Но отчима это не останавливало, он полагал, что если и нет за Хорьком никаких провинностей, так это только потому, что отчиму пока не удалось его подловить.

Мама думала, что воспитательный метод подействовал, если и вправду был методом. На Хорьку ни разу не пожаловались, не позвонили из милиции, не пришли с жалобами.

Соседка думала, что отчима бесит чужой ребенок, который, каждый раз попадаясь на глаза, напоминает о прошлой жизни своей матери — о том, как она целовалась с другим, спала, рожала от него.

Хорёк ничего не думал, но, чтобы поменьше получать по башке, он старался не бывать дома. Посещал факультативы по химии, научился определять медь и бронзу, таскался по свалкам, находил и сдавал не только бутылки, но и металл. На вырученные деньги покупал еду. Особенно любил дешевое и сочное пирожное «ромовая баба» из «Сорок восьмого». Одежду воровал — раз в неделю уезжал в соседний городок на электричке, заходил во двор какой-нибудь многоэтажки и просто менялся — снимал с веревки влажноватое и чистое, а свое, грязное, вешал.

К двенадцати годам он в родителях уже не нуждался, да и в друзьях тоже. Тем более, после похорон литераторши отношение к нему в классе переменялось. А все из-за этой дурацкой улыбочки. Услышав, что литераторша умерла, Хорёк был так потрясен, что «показал зубы». И судорожные его попытки дышать и не расплакаться через эту улыбочку выглядели так, будто он смеется. И это заметили.

— Он смеется! — девчонки от ужаса даже плакать перестали.

Хорёк выскочил вон, плакал и бил себя по щекам перед зеркалом в туалете, слезы текли градом, но улыбочка так и не сошла. На кладбище его не взяли, выбрали семерых девочек, которые плакали громче других. Он потом сходил на ее могилку сам — литераторшу он любил. В пятом классе она поила его чаем после уроков и угощала невкусным овсяным печеньем. А на следующий год вообще подарила ему ручку с зеленым гелиевым стержнем.

В десятый Хорёк не пошел, хотя оценки позволяли. Пошел в фазанку. И уже там, скрываясь от дождя в заброшенном вентиляционном люке шахты 5—6, Хорёк оказался лицом к лицу (если то, что он увидел, можно было назвать лицом) с мертвым Мотей. Мотю называли «психическим» и жалели, хотя Хорёк знал его еще в те времена, когда Мотя был положенцем Фархата и работал почтальоном. Ничего «психического» Хорёк в нем не замечал — разве что тот постоянно торчал на могиле литераторши и смотрел как-то липко, будто бы ты его загипнотизировал и отвернуться он теперь не может.

К тому моменту, когда Хорёк его обнаружил, Мотя полгода как сбежал из дурки, его вяло поискали и забыли. Хорёк тоже забыл, а теперь вспомнил.

Мертвое тело Моти, подсохшее на летнем сквозняке, пахло такой сладкой гнилью, что Хорька чуть не стошнило. Но он не убежал, а принялся его рассматривать. Поразила поза Моти. Видимо, он забрел сюда, побродил, а когда решил выйти, забыл, откуда пришел. Так и остался цепляться за решетку вентиляционного люка, смотреть на свет и звать на помощь. Так и умер. Как моль, которая летит на свет. А выход — вот он, всего через пару метров за углом. Казалось бы, чего с него взять, — «психический». Но Хорёк, глядя на него тогда, понял, почему мамка не уходит от пьющего отчима, почему повесилась молодая и красивая литераторша и почему сам Хорёк бегаёт в шестерках у Фархата.

Все живут по правилам. По идиотским правилам, которые они бог знает где взяли, может, и сами себе придумали. Наверняка сами. Больше убогую простоту правил этих объяснить было нечем. Знает Мотя, что выход там, где свет, — и прется туда, разбивая лицо о стальную решетку. И не будет он по сторонам смотреть, хоть палкой его к выходу гони. И все так. А Хорёк — нет. Хорёк умный. Хорёк дождетсЯ своего часа и облапошит их всех вместе взятых. На то он и Хорёк.

На широкой городской улице было безлюдно. С одной стороны дороги жались друг к другу двухэтажные каменные домики, с другой — тянулся длинный зеленый полуразрушенный барак — кобылятник — бывшее женское общежитие. За ним торчала круглая водонапорная башня красного кирпича и проржавевшие стойки огромных конструкций углеобогатительной фабрики.

На крыльце кобылятника сидела старуха в засаленном халате, она поправила треснувшие очки, рассматривая Хорька. Хорёк заметил ее и поспешно перешел на другую сторону улицы — в самое пекло. Старуха вдруг развернулась в сторону подъезда и пронзительно свистнула, вложив пальцы в рот, как заправский хулиган. Зачем она свистнула? Кого она позвала?

Хорёк прибавил шагу. Страх нарастал. Его никто не видел. Не мог видеть. Пацан пришел один. Выжить он тоже не мог. Никто не узнает. Никто ничего не узнает.

Миновал кобылятник, подошел к железнодорожной линии, на насыпь которой принято было валить мусор. Переходя через рельсы, по привычке задержал дыхание, — даже летом в нос бил вечный запах гнили. Какой-то старик снял с тележки, сделанной из остова детской коляски, жестяной бак и вывалил золу на насыпь. Серое облако поднялось и окутало Хорька, тот закашлялся, но ничего не сказал — волна страха почему-то снова накатила, хотя старик даже не смотрел в его сторону.

Хорёк остановился у деревянного двухэтажного барака, отдышался и постучал

в распахнутое окно. Оттуда высунулась Мордаша, разморенная, пышная. Обычно, глядя на нее, Хорёк испытывал острое желание тут же утянуть ее в койку, даже не для того, чтобы спать с ней, хотя и это тоже, а чтобы она обняла его крепко и долго гладила по голове и плечам. Но сейчас при мысли о том, что он коснется душного разморенного тела, пусть и приятного, становилось тошно.

— Чего?

Хорёк быстро протянул ей пакет:

— На, спрячь. И никому, поняла? А белый сюда давай.

Мордаша встревожилась:

— Ты чего задумал? Зайди!

— Неси, сказал, — ответил Хорёк грубо и осмотрелся.

Она вздохнула и неспешно скрылась. Появилась снова, протянула ему белый пакет. Пока Хорёк прятал пакет за пазухой, Мордаша осмотрела цветок на подоконнике, отщипнула с него высохший лист и бросила за окно.

Хорёк почему-то досмотрел, как сухой лист приземлится на землю, и только потом поспешил дальше — к длинным рядам разномастных гаражей. К Фархату. Постучал хитро — три коротких — один длинный:

— Открывай, свои.

Колян, крупный бритый мужик в спортивном костюме той же расцветки, что и у Хорька, чуть посторонился, пропуская его, и тут же захлопнул дверь.

В гараже висел сизый дым, но и он не перебивал запаха влажной плесени. Хорёк обошел большой сейф и оказался во второй половине. Тут стояли старый диван и небольшой столик, обитый линялой клеенкой. Посреди столика — пепельница — гигантская консервная банка из-под топленого масла.

На диване лежал Фархат. Каждый раз, когда Хорёк видел Фархата, он зажимался и «показывал зубы». Это невозможно было преодолеть — Фархат имел над Хорьком особую, животную власть. И это раздражало, потому что Фархат не был сильнее, быстрее или умнее, он вообще был довольно нелеп и похож на ребенка. Взять хотя бы эти его летние кожаные туфли. В городишке, пропитанном угольной пылью, никто не носил открытую обувь — стоило ноге припотеть, и набившаяся пыль превращала внутреннюю часть обуви в наждак. А Фархат хотел белые летние туфли с дырочками и носил. Правда, с носками. С черными. И ладно бы брюки купил к туфлям, так нет же. Носил со спортивным костюмом, и выглядело это так странно, будто он не из Москвы их заказал, а снял с кого-то им убитого.

Да, Фархат запросто мог убить. Но Колян тоже мог. И Хорёк только что убил, даже не дрогнув. Дело было не в этом, а в том поразительном ощущении, что самого Фархата убить невозможно. Он был как ящерица, от которой можно оторвать хвост, обрубить ей лапы, туловище даже, и все заново отрастет, и даже если не отрастет, если одна голова останется, то и она все равно будет смотреть на тебя как на еду и ползти к твоей глотке.

Как-то Хорьку приснилось, что связанного Фархата опускают в чан с кислотой, он булькает там, растворяется полностью, так, что даже веревки, на которой он висел, не остается. И когда все разворачиваются к выходу, прочь от чана, то натываются на Фархата, который стоит в дверном проеме, сложив руки на груди, и улыбается. Следующим утром Хорёк рассказал сон Фархату, прилюдно, чтобы польстить. Фархат улыбку снисходительно, а потом изрек очередную свою идиотскую мудрость:

— А знаешь, почему не сдох? Потому что я прав. И всегда был прав.

И поглядел «со смыслом». Все его шестерки сразу же поверили и закивали — типа тоже что-то там поняли. На самом деле ничего особенного Фархат о жизни не знал и ничего никогда не подразумевал, и вся власть его держалась только на биологии, но именно это и бесило.

До Мордаши Хорёк жил с Амёбой, биологичкой из фазанки, которая и рассказала ему про альфа-особей. Хорёк долго не мог поверить, что Фархат и вправду альфа. Низкий, коренастый, страшный как черт, с не раз ломанным носом и выпирающей челюстью, делающей его похожим на макаку. Альфа в представлении Хорька должен был быть высоким, статным и крепким, с точеным скуластым лицом, как Колян или как комсомольцы на мозаиках в доме физкультурника. Но Амёба разочаровала. Альфа — это как раз зверь, юркий, бесстрашный, живучий, с высокой приспособляемостью, и чем больше похож на макаку, тем больше альфа-генов. А точеные физкультурники — это бета-особи, идеальные солдаты, которые при определенных условиях способны заменять в стае альфу. Хорька, к слову, Амёба причислила к гамма-особям, тем, кто постоянно мутит воду в коллективе, но открыто выступить против альфы не может — кишка тонка. На том они с Амёбой и расстались. И хоть извинялась она потом и плакала даже, но Хорёк все равно ушел, прямо посреди ночи встал и ушел. Не стерпел обиды.

Качайся всю жизнь, изучай единоборства, туши об себя сигареты, рви рубаху на груди, а победит все равно альфа. Нипочему. Просто такая комбинация генов. Впрочем, это касается открытого боя, а военную хитрость никто не отменял. Фархата нужно было обмануть, именно его нужно было обокрасть и нагнуть. Это будет честно. Получил фору при рождении — расплачивайся.

Заметив Хорька, Фархат даже не пошевелился:

— Принес?

Хорёк затараторил, захихикал и снова возненавидел себя за это:

— Он не пришел! Пацан этот не пришел! Я, как шоха последняя, лез в эту чертову гору, замерз как сука, ждал его там под дождем, а он не пришел! Убил бы нахер!

— Как не пришел? — Фархат резко сел. — Почему не пришел?

— А я знаю? Я тебе говорю, не пришел и все.

— А хрена ли ты вернулся? Топал бы в долину и спросил.

— Ага, с баблом твоим? Чтоб мне там нищие монголы башку отрезали?

— Гребаный компот! — Фархат подумал, но ничего придумать не смог. — Ну и хрена ли теперь делать?

— Не знаю, — Хорёк аккуратно выложил на стол тонкую пачку тысячных банкнот, перевязанных банковской резинкой.

Ему казалось, что если Фархат сейчас поднимется, подойдет вплотную и посмотрит ему в глаза своим фирменным взглядом, то он испугается и расскажет все сам. Расплатится и все отдаст.

Фархат сидел и молчал. Потом он резко хлопнул ладонью по дивану и поднялся. Хорёк закурил, чтобы не смотреть на него.

Колян обошел Хорька со спины, взял деньги и убрал в сейф. Кроме денег в сейфе лежали спичечные коробки, смотанные вместе скотчем.

— Колян, много там? — спросил Фархат.

— Четверть, — ответил Колян навскидку.

— Сука! — дернулся Фархат. — Надо подумать. Дай, дуну.

Колян вынул из сейфа коробок, плотно набитый гашишем. Он отщипнул кусочек, протянул Фархату, тот ловко зарядил бульбулятор и закурил. Колян подошел к пепельнице, взял немного золы, размесил ее вместе с гашишем и утрамбовал обратно в коробок. Коробок убрал в сейф.

Фархат откашлялся и сказал:

— Так. Пока делать ничего не будем. Ждем конца недели. На продажу еще хватит. Если они не объявятся, придется лезть.

Колян кивнул.

— В долину? — ужаснулся Хорёк. — А ты мне за эту ходку не заплатишь, я ж ходил...

— Ты ж не принес, — Фархат вышел на улицу и побрел вдоль гаражей.

— Но я ж ходил, — Хорёк догнал его.

— Ну и чё.

— Ну, я же свою часть работы...

Вдруг Хорёк остановился и замер. Навстречу им вывалилась полупьяная толпа во главе с недавно откинувшимся Солёным. А рядом еще и Рыжий. Солёный заметил Хорька и притормозил так резко, что на него налетел шедший за ним пацан. Перед Хорьком вдруг возникло на мгновение мертвое лицо Моти у вентиляционного люка.

— Оба-на! Какая встреча! — прокричал Солёный.

Хорёк метнулся в кусты. Все бросились за ним, но не толпой, а врассыпную, как спецназовцы, широко охватывая пространство.

Фархат подумал, что хорошо их научил, и что надо бы еще почитать чего-нибудь про тактику и стратегию. И что Хорька сейчас грохнут. Наверняка за долги. Покойся с миром, вечно голодный Хорёк.

Так. Нужно было обдумать, что делать с монголами. Но для начала проветриться. От конопли он соображал гораздо быстрее, но тело требовало движения. Не хотелось этим заниматься. Все эти разлагающиеся торчки, готовые убить за дозу, бабы, умоляющие купить их немытую промежность, тупые дети, обворовывающие родителей. Расстрелять бы их всех нахер.

Фархат вспомнил эту недавнюю историю в новостях, когда всех наркоманов якобы сначала пересадили на дешевые химические наркотики — спиды, а потом прислали отравленную партию. Торчков тридцать за ночь выкосили — и это только те, кого друзья не прикопали по-тихому. По телеку намекали, что это местная власть так с наркотогвлей борется — мол, устрашающая акция, но это было смешно. Эдакий американский боевик про крутых политиков. Какой-нибудь губернатор теряет сдольшившуюся дочь, вызывает к себе начальника полиции и говорит — я буду мстить, они за все ответят! Начальник полиции в ужасе, но у него от наркотиков тоже кто-то погиб, и он решает помочь. Они создают преступную сеть распространителей, и сотня внедренных агентов начинает популяризировать спиды, потом торговать ими полгода ради прикрытия, обращая сотни людей в новых наркоманов, чтобы в день их те тридцать торчков сдохли. Смешно.

Нет у местной власти, которая каждый литр бензина считает, таких мощностей. И вообще, прикладывать столько усилий ради конкретных тридцати торчков, которые и сами сдохнут, — глупо. А убивать тридцать торчков ради того, чтобы напугать остальных и этим остановить распространение спидов — еще глупее. На кого расчет? Наркоман не перестанет оттого, что где-то там кому-то продали ядовитую партию и кто-то там от этого сдох. Он не перестал оттого, что его лучший друг только что сдох у него на руках. Он не перестал оттого, что его мать сдохла без лекарств, потому что он украл всю ее пенсию. Он не перестал даже после того, как ему загнившую руку по плечо оттяпали.

Если расчет на любопытных тупых детишек, то тем более не работает. Наркотики — риск. Дети думают, что это для крутых и смелых. А теперь, после того, как появились отравленные партии, стало еще опаснее, еще интереснее.

Совершенно очевидно, что это какой-то наглый молодняк пытался сдвинуть старую гвардию. Причем молодняк не криминальный, не понимающий, как дела делаются, что это все сначала перетирается, предлагаются проценты, условия обговариваются. А тут сработали так, будто новый магазин открыли — у меня тоже есть плюшки, они дешевле и вкуснее, я налажу свою сеть поставок, и все купят у меня. Нет, дружок, это Россия. Никто с тобой конкурировать не будет. Или ты сразу ложишься

под систему, уважительно подставляешь зад и крепчаешь, или — извините, вы нам не подходите, поэтому умрите, пожалуйста.

Фархат и сам часто думал о том, как убрать наркотики совсем, но это было нереально. Если он запретит — его тут же грохнут — большая часть денег общака — это доля с наркоторговли. Если отдаст эту кормушку кому-то другому, чтобы не возиться, то опять начнется мак, химия и, главное, герыч, от которого спасения нет. И шесть лет впустую. Шесть лет работы над поставками дешевого гашиша, шесть лет незаметного вытеснения героина с рынка — терки с ментами, подставы, цены. Ребята, героин — это дорого, неудобно и опасно. Курите гашиш! И все равно полностью не убрать. Слаб человек. Не живется ему нормально — вечно водки подавай, сигарет, баб и прочей наркоты.

И, если теперь проверенный канал поставок оборвется, торчки перейдут на дорогой герыч. Больше поставок, больше краж, больше смертей. И еще лет пять на то, чтобы тупо вернуть все как было. Сначала дождаться, пока вымрут героиновые торчки — обратно с героина на гашиш не пересаживаются; постепенно вырезать распространителей, выискивать, за что и почему, чтобы на сходке было чем крыть.

Нет, паниковать он раньше времени не станет, подождет. Тэнгиз никогда не подводил. Может, заболел или умер. Или курьер накосячил. Может, еще разрулится.

Он перешел железнодорожные пути, нагнал старика с тележкой, на которой дребезжали бачки из-под мусора. Старик остановился и почтительно поклонился. Фархат внимательно рассмотрел его и вспомнил. Этот старик, служивший в милиции, не раз ловил Фархата по мелочи, всегда с бандой. Фархат, которому к тому моменту было уже за двадцать, принимался рыдать и упрашивать дяденьку отпустить его домой, а то мамка выпорот. Старик отпускал самого мелкого, а от банды без Фархата вообще было ничего не добиться. Все они учились в школе для дураков, разговаривали плохо, в ответ на все — кивали и не могли объяснить, куда они лезли и зачем.

Они правда не знали. Фархат показывал, кого бить, совал им в руки ворованное и бежал первым. В детали был посвящен только Колян, которого Фархат на дело никогда не брал — оставлял стоять на шухере, если вдруг что. Через много лет внук этого старика вляпался по глупости — втаранился на мопеде в тачку Азика, владельца нескольких овощных палаток. Его поставили на счетчик, он прятался, в итоге счетчик раскрутился так, что старику грозила потеря дома. Старик отстреливался.

Фархат решил в пользу старика, дом ему оставили, а внука высекли. Азик грозился запороть пацана насмерть, но Фархат знал, что Азика с его протрузиями надолго не хватит. Так и вышло.

Фархат пожал старику руку. Польщенный старик улыбнулся. Фархату было приятно. В детстве он был влюблен в соседскую девочку Катю, которая долго внушала ему, что надо быть хорошим и только это дает человеку ощущение счастья. Ощущения счастья от встречи со стариком, конечно же, не было, но частично Катька оказалась права. Встретив какого-нибудь Хорька, с которым Фархат поступил плохо — не защитил, Фархат огорчался, а встретив старика, с которым поступил хорошо, — радовался. И на рынке радовался, что никто не дерется. И у магазина тоже.

Фархат вошел в магазин. В магазине сразу же воцарилась тишина. У прилавка собралась небольшая очередь, но все расступились, даже недовольная крупная бабка в цветастом халате и розовых резиновых тапочках отошла, пропуская Фархата. Все смотрели на него и молчали. И он молчал.

Ему нравилось, что его боятся. Нет, он понимал, что боятся они не его лично, а его положения, его власти, но все равно было приятно. Еще немного послушав тишину оробевшей очереди, Фархат взял стекляшку «Жигулёвского» и вышел.

Хотелось где-то присесть, но все лавки в городе давно пустили на дрова, а ножки сдали в металлолом. На крышке погреба за общественной баней оказалось занято.

Там плакала намалеванная школьница в короткой юбке. Фархат не обратил бы на нее внимания, но чем-то эта девочка напомнила ему Катю.

Фархат присел рядом с девочкой. Школьница торопливо утерла слезы и попыталась придать лицу доброжелательное выражение:

— Здравствуйте, Фархат.

Фархат усмехнулся — пигалица совсем, и та знает, кто он такой.

— А ты кто?

— Яна.

— И чего ревом, Яна?

— Парень меня бросил. Сказал, я конченная. При всех сказал... И с подругой моей теперь... — она снова разрыдалась.

Фархату было скучно, хотелось отвлечься. Он представил себе перепуганные лица малолеток и решил повеселиться, а заодно и сделать хорошее. Будет потом встречать эту Яну и радоваться.

Фархат приобнял ее:

— Не дело, — Фархат встал. — Пошли, перетрем с ним.

Яна вскочила, удивленно посмотрела на Фархата:

— Ты? Ты за меня вкupiшься?

— А мы с тобой вроде бы на брудершафт не пили.

— Извините, — школьница помрачнела, но уже через несколько шагов взяла его под руку.

Фархат остановился, посмотрел на ее руку и, усмехнувшись, сказал:

— А ты скорая, я смотрю!

Она засмеялась от волнения, но руки не убрала:

— Ой, ну это же такой понт! С вами пройти! Нет, ну, если нельзя... Или если у вас девушка есть... — она испуганно отдернула руку.

Фархат улыбнулся и выставил локоть, чтобы она взялась. Она улыбнулась и подхватила его снова:

— У меня девки сейчас от зависти умрут... Вы же такой... Ну ваше прям!

— Я страшный как сто чертей, — протянул якобы недовольно Фархат, но ему было приятно.

— Причем тут внешность! Вами же все восхищаются! Мой брат мелкий мечтает,

когда вырастет, стать таким, как вы!

— Ну и дурак, — искренне ответил Фархат.

Во дворе школы на детской площадке, состоявшей из пустой песочницы под покрывшимся ржавым грибком и остова качели, пили пиво старшеклассники. Несколько парней в спортивных штанах, остроносых туфлях, черных майках и летних кепках-восьмиклинках. Заметив Фархата и Яну, подростки удивленно поднялись.

Фархат подошел, остановился, выбросил бутылку в кусты и, потянув спортивки за колени, чтоб не растягивать, уселся на край песочницы. Он ни на кого не смотрел. Так делал Колхоз на сходках, и оно всегда срабатывало. Типа я тут занят, а вы мне до такой степени мусор, что я даже и смотреть в вашу сторону не собираюсь. Яна встала рядом с ним и победоносно окинула всех взглядом. Фархат помолчал для солидности и тихо проговорил:

— Ну что, ребятки, делать будем?

Подростки испуганно переглянулись.

— Ну?

Школьники молчали. Яна торжествующе улыбнулась.

— Пиво холодное?

Пацаны закивали, а стоявший ближе всех паренек протянул Фархату полторашку «Жигулёвского». Фархат отпил, передал Яне, она выпила тоже. Он собирался рассказать

про понятия и напомнить о том, как можно поступать с женщинами, но не успел, из-за угла школы появилась толпа. Они вели под руки уже изрядно побитого Хорька.

— Вон Фархат! — крикнул Рыжий, и толпа направилась к школьникам. Школьники попятнулись, но Фархат проговорил тихо:

— Стопэ! Я никого не отпускал.

Метрах в пяти толпа остановилась. Рыжий подошел к Фархату, присел рядом, но не на песочницу, а на корточки, и даже голову пригнул, чтобы оказаться ниже:

— Фархат, он детям дурь пихает. Братика моего мелкого подсадил, а он у меня знаешь, какой был. А у Солёного дочку, затаскалась девка. Да тут у каждого...

— Я же в том году еще запретил школьникам впаривать, — перебил Фархат.

— Вот и я о чем, — развел Рыжий руками, от этого чуть не сев на задницу. — А он говорит, что ты за него вкупишься.

— Я? — с угрозой в голосе спросил Фархат. — Писанись, что ты меня с ним видел.

Рыжий благодарно закивал, вскочил, широко улыбаясь, побежал к остальным. Подбегая, он подскочил, стараясь на лету пнуть Хорька в живот, но промазал и чуть не упал. Фархат усмехнулся. Школьникам смешно не было.

Толпа разошлась плотным кольцом вокруг Хорька, его поднимали и швыряли, снова поднимали и снова швыряли. Рыжий обернулся к школьникам:

— Ребзя, шнурок есть? Ну, от кроссовка? Обычный! Мы вернем, только это... — Рыжий жестом показал, что шнурок ему нужен, чтобы сделать удавку. Перепуганные дети не шелохнулись.

Фархат взял у Яны бутылку, отхлебнул пива и свистнул. Бьющие остановились и посмотрели на него:

— Он мне тут нахрен не сдался. Чтоб убрали за собой.

— Фархат, да не вопрос, — клятвенно приложил руку к груди Рыжий.

— И в сторонку хоть отойдите. Школа же. Еще бы в детский сад его притащили.

— Прости, сейчас мы...

Рыжий поволок Хорька к кустам, но далеко оттащить не удалось. Из-за угла школы выскочила вдруг та самая толстая бабка в розовых шлепанцах, которую Фархат только что видел в магазине. Она бросилась Рыжему наперерез.

— А ну! — прокричала она таким страшным голосом, что мужики расступились, а Рыжий, крепко державший Хорька за грудки, от неожиданности выпустил его.

Фархат, наблюдавший за ними, усмехнулся:

— Отобьет! Точно отобьет. Я такое видал уже. Баба как-то мимо шла...

Договорить Фархат не успел. То, что произошло дальше, поразило даже его. Бабка вдруг схватила Хорька за шиворот и как-то ловко толкнула вперед, будто подбросила вверх. Хорёк глухо шлепнулся на живот, баба оседлала его и, схватив за волосы, принялась лупить лицом об асфальт.

— Паскуда! Гнида поганая! Мразь! Конченная мразь! Ты мне за все ответишь!

Хорёк в ответ даже не стонал, а как-то глухо булькал. Мужики от неожиданности расхохотались.

— А я думал, она его того... Забрать хотела... Мамка или кто, — сквозь смех проговорил один из толпы.

— Не, это мамка его клиента, по ходу.

Фархат поднялся, и Рыжий, принявший это за проявление недовольства, подскочил к бабе и, раскорячившись, начал вытягивать из под нее Хорька:

— Школа же... Дети смотрят. В кусты, в кусты пошли. Там убьем. Отойти надо.

Бабка услышала его и обмякла вдруг. Задрав ногу, перевалилась на задницу, выпустила из-под себя окровавленного Хорька и зарыдала. Рыжий отдал обмякшего Хорька мужикам и попытался поднять бабку, но она не захотела вставать.

Фархат поморщился и развернулся к школьникам:

— Ну и кто тут Яночку обидел?

Школьники молчали и смотрели на то, как уносят Хорька в кусты.

— Я спросил, — с угрозой в голосе сказал Фархат.

— Он, — ответила Яна, указав на симпатичного паренька.

— А сам чего не отвечает? Западло с Фархатом разговаривать?

Паренек съежился в ожидании удара. Но ударил не Фархат, а один из друзей, юркий и жилистый, тот самый, который первым сообразил протянуть Фархату бутылку.

Фархат похлопал паренька по плечу:

— Молодец, понятливый. Вечером в гараж заходи, сбегать кое-куда надо.

Паренек просиял и кивнул. Фархат обнял Яну за шею. Он прихватил и пиво, уводя Яну прочь. Яна обернулась — школьники провожали их взглядом. Только обидчик держался за нос.

В гараже Фархат раскурил косяк, откинувшись на спинку дивана. Яна сидела рядом и смущенно теребила подол юбки. Она спросила вдруг, чтобы заполнить гнетущую тишину:

— А как вы таким стали?

Фархат потрогал себя за нос:

— Это меня мудака один мордой об рельс постучал, царствие небесное... Там, у магазина...

— Да неее, — протянула Яна. — Я вообще.

— А, — Фархат выдохнул дым. — Я в школе для дураков учился. Ну и подфартило. Я с Макеной по малолетке в одной камере в СИЗО неделю кантовался.

— Нет, я Макену не знаю...

— Ты ж мелкая совсем.

Он поцеловал Яну в губы, усадил ее к себе на колени и полез под юбку. Девочка была свежая, аппетитная, ее трясло от возбуждения, она смешно и старательно отвечала на поцелуи. Фархат стянул с нее кофточку, расстегнул лифчик. Отстранился, чтобы заценить грудь, но случайно посмотрел ей в глаза и заметил, как сильно она испугана. И что трясет ее явно не от возбуждения. Он взял ее за подбородок и строго спросил:

— Ты целка, что ли?

Яна кивнула.

— Сука, — Фархат одним движением сбросил ее с колен. — И какого хрена ты тогда... Мокрощелка малолетняя! Пошла вон!

Яна испуганно вскочила, на ходу натягивая кофточку, и бросилась к выходу. Она дернула дверь, но дверь оказалась заперта. Она замерла, глядя на медленно подходящего к ней Фархата.

Он запер за ней дверь, вернулся на диван и лег на живот. От грязного дивана несло прелым табаком.

До сегодняшнего дня Рыжий Ванька был уверен, что, убив, Хорька, испытает радость и облегчение — отомстил за братишку, восстановил справедливость. Но вместо удовольствия — опять эта липкая боль. Смерть Хорька ничего не изменила — братишка уже в колонии. Вернется, чтобы тихо спиваться, клянчить мелочь, воровать, потом примется за старое и сдобрится насмерть. Поздно.

Но плюс все же был — еще долго школьникам никто дурь продавать не посмеет. До нового Хорька. И, может быть, в этот просвет между хорьками успеет вырасти чей-нибудь еще братишка.

Ванька думал так, но все равно не легчало. Научиться бы, как Фархат. Тому убить — что зуб выдернуть. С заморозкой.

Или научиться не думать. Как Колян: Фархат сказал, Колян сделал. Не человек, а машина. И за грехи Коляновские перед Господом Фархат отвечать будет, сам говорил. А за грехи Рыжего кто? Убийство — это же как минимум десятка в аду, в кипящем котле. Молодец, хорошо день провел. Хотя если по понятиям рассуждать, то толпой вроде как и не убийство, а суд. И если за дело, то, может, и скинут хотя бы пятерочку. Или условно. Интересно, а в аду условно — это как? Сидишь в чистилище и пережидаете? Но чистилище — это же просто белое поле. Белое поле. И ничего вокруг. Это похлеще всякого ада получается — в аду хоть не один в котле варишься, а рядом кто-нибудь подкипает. Вместе полегче. Даже с чертом, который в тебя рогатиной тычет, лучше, чем одному.

Ладно, пусть уж десятка тогда.

Мама, учуяв, что он вздыхает на кухне, вырубил телек, поскрипела пружинами койки и побрела к нему. Он услышал, как шаркают по драному линолеуму ее старые тапки, приосанился и постарался «сделать лицо». Было невыносимо слушать это ее ковыляние — колени у мамы не гнулись с самых похорон. Врач сказал — застудилась. Она очень любила деда, долго не вставала с его могилы и не давала Ваньке себя поднять. После суда над братишкой дед пил всю ночь и к утру помер. Так что и тут Хорёк вышел виноватым.

Ванька приматывал матери к коленям капустный лист, растирал настойкой лопуха на спирту и даже ставил компрессы из желчи. Вставать она начала уже через неделю, но ходила теперь так, будто тапки у нее были чугунные.

Улыбнулся. Нет, не получилось. Поняла.

— Чё ты, Ванюш?

Ванька потер пальцем порез на старой клеенке и признался:

— Мы это... Хорька грохнули...

Она ахнула, вскочила, чуть не перевернув стул. Лицо ее в одно мгновение подтянулось, напряглось, и она стала похожа не на его вечно сонную маму, а на героя-стахановца с советского плаката.

— Мучили? — спросила она жестко.

Ванька не сразу ее услышал, он удивленно следил за изменениями ее лица.

— Мучили? — повторила она — Вы его мучили?

Ванька не понимал, что она хочет от него сейчас услышать. Расписывать собственной матери, какой ты жестокий мокрушник было невыносимо, но по тону казалось, что именно этого она от него и ждет.

— Ну так... Не сильно...

— Меня позвать надо было, раз сами не могли! — глухо проговорила мама. — Он бы у меня землю с червями жрал и кишки свои по асфальту собирал! Поломанными пальцами! Гнида поганая! Да я б ему своими руками каждую косточку пополам переломила!

Так ругались отличники в началке, чтобы и грозно, но при этом не матом. Ваньке почему-то стало очень стыдно за маму, но она не заметила — ее потряхивало от клокотавшей внутри злобы.

— Мамань, ты чего, а? Мам...

Она посмотрела на него, хотела что-то сказать, но, взвизгнув, зашлась рыданиями. Ванька вскочил, сгреб ее в охапку и прижал к себе:

— Мамань, ну не плачь, мам... Все уже, порешили его. Нету больше гниды этой... Мам, ну...

Она высвободилась и, шаркая тапками, убрела к себе. Ванька хотел войти к ней, позвать пить чай с вареньем, но она уже достала и разложила на койке братишкины грамоты. Перебирала, бубнила под нос про чемпиона и лауреата, грозила кулаком невидимому Хорьку. Теперь это надолго.

Ванька тоже любил братишку, ему нравилось защищать его, решать его проблемы. Хотя какие там были проблемы? В детском саду девка какая-то суп на него пролила, поц карандаш зажилил, сдачу посеял — смешно даже, но для братишки все это было трагедией, а Ванька, взрослый и умный, разруливал в два счета. Потом братишка сботанился, начал побеждать в олимпиадах и конкурсах, куда Ваньке приходилось его возить.

Мама наглаживала рубашку и Ваньке, начищала и ему туфли, и они шли на трамвайную остановку. Ванька старался ступать аккуратно, чтобы пыль не прилипла к туфлям, но ремень жал, воротник душил, а братишка шел впереди, не оглядываясь, и болтал про задания. Ваньке все это было до фонаря, как если бы братишка щebetал ему на птичьем — за годы в школе он научился только прессовать ботанов, чтобы те ему списывать давали.

Они приезжали в какую-нибудь школу или ДК, брат шел решать, а Ванька — на охоту. Он несколько часов слонялся по коридору, а вместе с ним ждали пожилые женщины. Они дружелюбно поглядывали на Ваньку. Ванька любил сначала хорошенько рассмотреть всех, понять, кто из них учительница, сопровождающая ученика, а кто мамаша или бабуля. Нужно было выбрать самую добрую бабулю с сумкой потяжелее, встать рядом и минут через двадцать начать вздыхать. Бабуля сначала предложит присесть, потом поболтает немного, а потом, попривыкнув, критически осмотрит тощего Ваньку и покачает головой:

— А ты чего, тормозок не взял?

— Нечего брать было... Голяк дома, — вздохнет Ванька, и бабуля тут же, всплеснув руками, начнет вынимать из сумки пирожки или бутерброды.

Как-то на олимпиаде Ваньке очень повезло — он съел бутерброд с соленой красной рыбой и три шоколадные конфеты.

После этого можно было идти курить. Бабули ворчали, но все уже было съедено, потому Ванька ничем не рисковал. Болтаться по чужим районам в таком ботанском прикиде было небезопасно, поэтому обычно Ванька выбирал лавку неподалеку от школы. Чтобы одновременно палить крыльцо и самому не палиться.

Братишка выходил задумчивым, будто все еще был там, в заданиях, шел молча, иногда резко останавливался и спрашивал у Ваньки:

— А, может, там так надо было написать, а? По-моему, я ошибся...

— Чё, вернемся? — волновался Ванька.

— Не, уже не дадут переправить, — вздыхал братишка и становился еще задумчивее.

— А если я с ними перетру? Скажу, что бабуля померла, например? А поц, мол, из-за этого напрягся, напортачил?

Брат охал, отмахивался и спешил к остановке. Ванька всю дорогу старался его растормошить, потому что задумчивость эта, как у «залипухи», Ваньку пугала. Про «залипух» рассказал ему Фархат. Он делил клиентов на «залипух» и нормальных. Нормальные покупали дурь не каждый день, просто чтобы поржать и расслабиться, и даже если сдалбливались до пяти доз в сутки, то потом все равно как-то прекращали. «Залипухам» Фархат не продавал. Принципиально. Это, конечно, не помогало, потому что они покупали через нормальных, но Фархата успокаивало:

— Видишь, рожа какая?

— Стрёмная? — не понял Ванька.

Фархат поржал. Они пили перед магазином, на единственной лавке, и у входа терлись пацаны, вроде как в очереди, но на самом деле просто кучковались от нечего делать и пялились на Фархата.

— Он же заливает, чё, не видишь?

Ванька пожал плечами:

— Не.

— А на того позырь. Видишь? Вот еще смотри. Не тот, а лысый. Ниче не замечаешь?

— Пьяный вроде. Или спать хочет.

— Во ты олень слепошарый! — Фархат хохотнул. — Рожа залипает у него. Слушал-слушал и залип. Тупо сидит и пялится. Ничего не слышит.

— Задумался типа?

— Ну, типа того. Чем чаще залипает, тем быстрее сдолбится.

— Почему это?

— Да вот хрен знает. Мне Ушур сказал, я еще малой был, а потом сколько проверял — в натуре.

Мнению Ушура Ванька тоже доверял, тот был настоящим шаманом и зря не болтал. А для того, чтобы не доверять мнению Фархата, надо было быть полным идиотом.

После того разговора Ванька стал внимательнее следить за братишкой и даже рассказал ему про «залипух», но тот пожал плечами:

— Наркотики меня не интересуют.

Не интересовали они его до старшей школы. А потом он влюбился в какую-то смазливую дуру и болтался за ней. Пацаны предупреждали Ваньку, но он отмахивался:

— Пусть покобелирует маленько. Чё, он у меня в армию девственником пойдет?

Дура шарилась со своими из шараги, те терлись с Хорьком, и Ванька чухнулся, только когда мамка недосчиталась зарплаты. Ванька бил братишку, запирали, но тот свалил из дома и уже через пару дней попался. Хотел ограбить кабинет информатики. Спрятался в школе, собирался ночью спустить дружкам компьютеры через окно, но окна оказались забиты гвоздями, пришлось оглушить сторожуху и взять ключ. Бабка оказалась больная и чуть не умерла от удара.

Выносить мамины причитания было невозможно, и Ванька ушел. Сидел на крышке погреба под окном Хорьковского дома, слушал музыку в телефоне. Как назло, попадались только тоскливые мелодии, а кнопка перелистывания у Ваньки давно сломалась. Он копался в настройках и искал другой способ переключить.

Солёного он не заметил, хотя тот махал ему с дороги, а потому подошел уже раздраженным.

— Слышь, у меня тачка накрылась, по ходу клина словил.

— И чё? — спросил Ванька, все еще глядя в телефон.

— Ничё! Хорька на моцике везти?

— Значит, на моцике.

— Ага, я ща такой с трупаком в люльке и на отвал?

Ванька промолчал. Подумав, Солёный спросил:

— Слышь, мож, прицеп присандалить?

— Или так, — равнодушно пожал плечами Ванька.

Прямо над ними внезапно раздался странный протяжный стон, больше похожий на вздох. Они подняли головы, но заметили только мелькнувший силуэт женщины в проеме окна.

— Чё все ревут-то ё-моё! Задрали, капец!

— Это баба евошня, — пояснил Солёный. — Ну так мне чё?

— Капчо! На моцике поедем.

Из дома вышла опухшая от слез Даша в галошах на босу ногу и в плаще. Ванька, конечно, видел ее раньше, но старался не разглядывать — она носила сарафаны на тонких бретельках, и ее большая грудь непристойно колыхалась. За разглядывание груди чужой бабы легко было схлопотать, а Ванька рисковать не любил.

Даша обесцвечивалась и делала химическую завивку, а сейчас волосы отросли, и оттого ее голова была похожа на одуванчик, с которого сдули верхушку. Лицо казалось по-детски смешным то ли из-за прически, то ли из-за пухлых щек. Мамка почему-то называла такие щеки «брылями».

Даша, привалившись к стене, с укоризной смотрела на Ваньку. Ванька торопливо уставился в телефон. Она, похоже, продолжала смотреть, но теперь Ванька не поднимал головы, боялся, что она заплачет или начнет обвинять, тогда ему придется объяснять про братишку, и они поссорятся.

Гремя прицепом, подъехал мотоцикл. Даша молча обошла прицеп, не сводя взгляда с большого брезентового свертка, лежавшего в нем, и села позади Солёного. Ванька забрался в люльку.

Они обгнули дом, неровный ряд ржавых гаражей, старую кочегарку и понеслись по пыльной проселочной дороге между полем картошки и полем ржи. Прицеп подпрыгивал на кочках, дребезжал, и Ваньке, сидевшему в люльке вполборота, приходилось придерживать свертки рукой.

На горизонте показались симметричные, как египетские пирамиды, насыпи. Они образовывали длинный коридор, ведущий к угольному разрезу. Отсюда разрез был похож на след от гигантского сверла. Будто бы бог хотел просверлить землю, начал уже, но передумал и ушел. По спиралевидному следу ползали крохотные «БелАЗы», отсюда похожие на толстых неторопливых жуков с оранжевыми головами.

В конце коридора мотоцикл замер. Ванька замороженно смотрел, как к ним медленно ползет один из «БелАЗов», увеличиваясь в размерах и будто ускоряясь. Он был гигантским, как дом, и Ванька испугался, что водитель не заметит их и раздавит. Он привстал в люльке и замахал руками. «БелАЗ» притормозил. Солёный слез с мотоцикла и вскарабкался по лесенке к кабине, о чем-то поговорил с водителем.

Вернувшись за руль, Солёный хотел пересказать разговор Ваньке, но тот ничего не слышал из-за гула огромного двигателя. Мотоцикл ловко проскочил между двух насыпей и оказался в колее от белазовского колеса. В конце колеи они остановились и выбрались. Пока Ванька вытаскивал свертки из прицепа и волок его к подножию крайней насыпи, Солёный пытался вытащить мотоцикл из колеи.

Даша немного постояла над свертком и бросила сверху горсть щебня. Позади гудел приближающийся «БелАЗ». Он медленно вполз в свою же колею и, докатившись до них, вывалил на тело Хорька кузов камня. Женщина отошла недостаточно далеко, и ее обняло поднявшееся облако пыли. Ванька рванул к ней, схватил за руку и хотел отвести к мотоциклу, но она резко вырвалась и, закашлявшись, пошла сама.

Мотоцикл остановился у дома Даши. Она медленно слезла и побрела к подъезду. Ванька тоже выбрался.

— Ну, ты это... — начал он и замялся.

Даша, не оборачиваясь, отмахнулась. Мотоцикл уехал, а Ванька так и остался стоять.

Когда дверь подъезда хлопнула, Ванька осмотрелся, вздохнул, присел на крышку погреба, размял кисти рук так, что хрустнули костяшки. Вокруг было тихо, а в голове пусто.

Он по инерции побрел к гаражам. Стукнул — три коротких, один длинный. Колян выглянул, сначала осмотрелся и только потом впустил Ваньку внутрь.

— Здарова, — протянул Фархат с дивана.

— Коробок? — спросил Колян.

— Не, — Ванька покачал головой. — Плюшку заряди.

Рыжий сел на диван, в ногах у Фархата. Тот протянул ему косяк. Ванька торопливо раскурился и задержал дыхание.

Фархат усмехнулся:

— Ломает, что ли?

— Не, — Ванька помотал головой, наконец, выдохнул: — Бабу Хорьковскую видал. Ревет.

Фархат вздохнул:

— Из грязи родился, в грязь обратился... Ни хера не загадка, ё-моё... — добавил он и усмехнулся.

Он поднялся и, сделав пару приседаний на месте, заходил перед диваном.

— Хорёк мне носил.

— Да? — изумился Ванька. — А мы его... Того...

— Да хрен с ним... Нифига он мне не принес... В долину лезть надо... Завтра в ночь... Че же там случилось? Мож, менты?

— Монгольские?

— Сам ты монгольский! У них и ментов-то нет, поди. Наши. Тэнгиз не подводил никогда...

— Ты зови, если чё. Я тоже сходить могу.

— Забей, Колян ходит.

Фархат торопливо вышел из гаража, хлопнув дверью. Ванька вопросительно посмотрел на Коляна, — но тот пожал плечами — дела какие-то срочные, видимо.

Ванька тоже вышел, оставаться с Коляном он не любил. Вроде бы и относился к нему хорошо, но тот всегда молчал и вздыхал, а оттого Ванька начинал болтать сам и быстро уставал, не понимая, о чем еще рассказывать.

На улице неожиданно быстро стемнело. Ванька еще постоял, но Фархат так и не появился, и Ванька побрел домой. Мама, наверное, уже успокоилась.

Проходя мимо дома Хорька, он заглянул в Дашино окно. В комнате тускло горел свет, а Даша сидела на кровати в ночной рубашке и тупо смотрела перед собой.

— Залипла, — подумал Ванька и остановился.

Он вспомнил, как она стояла, привалившись к стене, и смотрела на него, и как потом выдернула руку. Тогда надо было извиниться. Сразу же. Ладно, лучше поздно, чем никогда.

Однако когда Даша открыла дверь и изумленно на него посмотрела, Ванька почувствовал себя настолько глупо, что простоял молча, наверное, целую минуту, а может, и две. Стоял и бренькал щеколдой, пока Даша не остановила его руку. Ванька опомнился и выдохнул:

— Ну, ты это... спать ложись... И... извини!

— Чаю будешь? — спросила она на удивление спокойно.

— Буду, — с облегчением ответил Ванька. — А то сушняк такой, что капец...

Он разулся и прошел на кухню — замер на пороге:

— Как тут у тебя...

— Как?

— Как в мультике, — улыбнулся Ванька.

На окне висели розовые занавески в мелкий цветочек, подшитые кружевными оборками, на полочках — одинаковые баночки с крупами и макаронами — одна к одной, под ними — накрахмаленные салфеточки. На столе — кружевная скатерть в тон занавескам и крохотная хрустальная вазочка с конфетами.

Даша поставила перед ним чашечку с блюдцем. Он улыбнулся.

— Чего?

— Бабуля моя чай с блюдечка пила. Мы с мамкой недавно это вспоминали, я мамке решил на днюху сервиз подогнать. Пусть тоже... С блюдечка...

— Может, лучше водки?

— Давай.

Она убрала чашку и поставила перед ним стопку. Себе поставила тоже. Достала

из холодильника початую бутылку и крупную масленку с крышкой. В масленке оказались крошечные бутерброды на специальных вилочках.

Ванька восхищенно посмотрел на нее:

— Ну ты, блин, ваще! Как в ресторане! Такое жрать жалко.

— Тебя звать-то как?

— Иван, — ответил он серьезно. — Ну, Ванька, в смысле. Рыжий. А тебя?

— Даша. Хорёк Мордашей звал. Помянем, — она выпила.

Ванька вертел стопку в руках. Посмотрел на бутерброды, но ни пить, ни закусывать не стал. Сказал, набрав воздуха:

— Ты прости нас, но... Мы же его за дело, спускать такое нельзя... — Он замолчал и повертел стопку в руках, поставил подальше от края. — Он же детям толкал... Он же брата моего... Такой пацаненок был! Умный, капец! Он мамке моей говорил: «Погоди, мамка, школу кончу, институт, задипломируюсь, и будешь ты у меня...»

Рыжий осекся и замолчал. Даша плакала, но не всхлипывая, а так, беззвучно роняя слезы на скатерть. Ванька потянулся через стол и погладил ее по голове. Она не убрала его руки. Тогда Ванька встал, подошел вплотную и обнял. Даша уткнулась ему в живот и зарыдала. Ванька присел перед ней и проговорил тихо:

— Ну, не плачь. Говно он был, а не человек, и нечего из-за него... Хоть и любовь там...

Она вдруг отстранилась, вытерла слезы:

— Да не любила я его! Он же... тьфу! — она поморщилась.

— А чего тогда?

— Да я же всю жизнь... Как подстилка малолетняя, от одного к другому... Замужем была, так он сел — подельника зарезал, я к другому — а тот пьяница оказался, бил меня, а потом вообще наркоман, полдома повытащил, и я уже на Хорька согласная была, а он же... Он же мерзкий... И того нет! А теперь я уже старая! И ни шиша у меня нет, ни мужика, ни ребеночка... А я красиво хотела... Хоть один разочек, самый маленький, чтоб красиво... Я же в Большой театр мечтала, хоть одним глазочком, хоть уборщицей бы туда... Ну чем я виновата? Ну за что меня так, а?

Ванька Рыжий крепко прижал ее к себе:

— Да чего ты? Ну? Разнюнилась! Уж такая вот у нас житуха. Ты молодая еще. И красивая, вон какая красивая, ну?

— Красивая, ага, ври больше...

Рыжий вскочил:

— А знаешь что? — он заметался, соображая, что бы ему сделать, сообразил, побежал к выходу, но вернулся, хлопнул водки из горла. — Ща! Ща, погодь, все будет!

Он выскочил вон. Даша в недоумении встала, постояла, соображая, что теперь делать, и принялась убирать со стола. Стопочки сполоснула, натерла полотенцем и аккуратно поставила на полочку, бутылку в холодильник...

Он влетел с выломанной веткой от куста желтых роз, протянул ей. Даша посмотрела на его довольное лицо, на оцарапанную шипами руку, на эту кривую ветку и усмехнулась. Он побежал в комнату, заметался там:

— Музыка, музыка у тебя есть?

Она вошла с вазой, в которой была ветка, и поставила ее на телевизор:

— Зачем?

— Во дура! Танцевать будем!

Она кивнула ему на кассетный магнитофон, стоявший в углу.

— Херасе, древний какой!

Из магнитофона, будто подтверждая его слова, раздалось: «Владимирский централ, ветер северный...»

Рыжий выдернул кассету, перевернул ее и включил снова: «Мурка, ты мой котеночек...»

— Нет, так не пойдет. Ты ищи благородную, а я ща, я — пять сек, — он выскочил вон.

Даша погладила пальцем бутон желтой розы и присела перед магнитофоном. Цветы ей иногда дарил муж, но сейчас казалось, что это было в какой-то даже не прошлой, а позапрошлой жизни, вспоминать о ней не хотелось. В праздники муж приходил поддатым, долго не мог кончить, злился и прижимал Дашу так, что на теле оставались синяки. Он вообще был довольно грубым и неумелым, но его Даша любила сильнее, чем всех последующих. И не потому, что он был каким-то особенным, просто он был первым, и потому с ним она ни в чем не сомневалась. Она чувствовала, что это по-настоящему, что все правильно и хорошо, даже если плохо. Вот она выросла, вышла замуж, у них родятся дети, потом появятся внуки. Но все пошло неправильно, он сел, оказался не тем и не навсегда, и теперь сомнения терзали постоянно — а этот навсегда? Это — тот? Она присматривалась и замечала носки, запах изо рта, грубость, невытую посуду, и все это будто бы жило вместе с ними, влезало в ее мечту и разлагалось там. Прекрасная семья с детьми и внуками, с носками, матом и запахом изо рта.

— Разведенки всегда так, — сказал ей как-то на это Хорёк.

К нему она испытывала странную физиологическую брезгливость, хотя от него ничем особенно не пахло, — но он и улыбался как-то гнусенько, и хихикал мелко. Зато у него всегда водились деньги, он был хитер и умел ее успокоить — рассказывал, как вот-вот солидно заработает, они уедут туда, где «нормально» и можно растить детей. И ради этого «растить детей» Дашка терпела; но и тут вышел обман. Все зря.

Вернулся Рыжий быстро. Торжественно вошел с коробкой конфет «Птичье молоко» и бутылкой дешевого вина.

— Подержи, — передал Даше трофеи, чинно снял олимпийку, но, не найдя, куда ее повесить, бросил у порога, стянул кроссовки, посмотрел на ноги. — Блин, носок дырявый... ну ниче, мож, мне жарко, — он снял носки.

Даша улыбнулась — вот и носки.

— Чё ты ржешь? К тебе мужик пришел при всем параде, а ты в ночнушке. Одевайся красиво, как там у баб положено.

Он забрал у нее бутылку и конфеты, прошел в комнату и уселся на диван. Даша появилась в летнем шифоновом сарафане, чуть смущенная и тихая:

— Ну, ты ваще прям! Красотка! Как эта... Как ее? Мерлин Монро!

Она отмахнулась.

— Да я по натуре тебе говорю, у тебя даже прическа похожая!

Чинно встал, протянул руку:

— Как там правильно? Разрешите пригласить вас на медляк.

Она улыбнулась.

— Чего?

— Хорошо все, — она положила руку ему на плечо.

Ванька боялся наступить ей на ногу, а оттого просто раскачивался на месте, бережно прижимая Дашу к себе.

Проснулся он поздно. Даша уже сидела за столом и, подперев голову руками, смотрела, как он спит. Улыбалась.

— Доброе утро, — Ванька прошлепал босыми ногами по дощатому полу, подошел сзади и обнял ласково. Она поежилась в его объятьях, хотела что-то сказать, но Ванька протянул руку и взял со стола бутербродик:

— Дашка, женюсь!

— Ишь ты, скорый какой! Даже фамилию не спросил, а уже женится!

— А на кой мне твоя фамилия? Все равно сменишь.

— Ага, заливай!

— Чего заливай? Я серьезно тебе предлагаю. Распишемся? Только чтоб все по чести, платье там, фата, ох у меня мамка это дело любит! Она тебе чего-нибудь там подарит! Подушки какие-нибудь... Или тазики...

Она встала и посмотрела на него серьезно:

— Не надо так шутить.

— Да я шучу, что ли? Да я мамкой клянусь! — Ванька уселся и принялся есть.

Даша, растроганная и смущенная, села напротив, но через пару секунд встала.

И снова села.

— Ты чё мельтешишься? Сядь, поешь. Вкусно, капец!

— А, была-не была! — Даша прошла к тумбочке, порылась в ней и вынула сверток. Положила перед Ванькой. Тот с интересом посмотрел на пакет:

— Халва?

— Сам ты халва! Это Хорёк мне вчера дал, чтоб припрятала.

— погоди, я че-то спросонья не врубаюсь, — он подвинул к себе пакет и ахнул.

— Хорёк вчера дал мне на сохранение. А теперь это куда девать, я не знаю.

Ванька взял кирпич в руки, взвесил, понюхал:

— Он даже не бодряженный еще. Это знаешь, сколько стоит... Тут Большой театр домой заказать хватит... погоди, я че-то не врубаюсь, Фархат мне вчера сказал, что Хорёк ему нифига из долины не принес, а он, значит, принес...

Она пристально посмотрела на него:

— Но не отдал. Он давно говорил, что надоело ему по горам скакать, пора уже на старости лет устаканиться.

— Устаканился... — Рыжий невольно улыбнулся, отодвинул стул, заходил по комнате, съел еще бутерброд:

— И чего с ним делать?

— Продать.

— Фархату? Он придет и заберет. Не будет он платить.

— И что? Пойти и самим в руки ему отдать? — возмутилась Даша. — Тут раз в жизни перепало, и то...

Рыжий сел:

— Погодь, давай обмозгуем. Тут продавать нельзя, это однозначно... Слушай, надо уехать и там продать, а?

— Куда уехать?

— В Москву! Куда ж еще? И отмазка есть. Типа там свадебное путешествие.

В поезде было жарко, курить запретили, и Ванька маялся от безделья. Он беспрестанно посматривал на часы в ожидании очередной станции, на которой можно было бы выкурить сразу две, а то и три сигареты — впрок. Даша вязала, сидя на нижней полке. Ванька свешивался и придумывал, чего они купят, когда продадут «это». Дашка возражала — слишком роскошно, вызовет подозрение. Ванька пытался спорить, мало ли, может, у нее от Хорька приданое осталось, но сам понимал, что Даша права. Светиться нельзя.

Можно было поесть, но сегодня до обеда Ванька ел уже дважды — Даша долго разворачивала фольгу, резала овощи, раскладывала все это по пластиковым тарелочкам, а потом отмывала тарелочки в туалете и вытирала прихваченным из дома полотенцем. Больше ничего не происходило. Спать тоже не хотелось.

Неожиданно Ванька почувствовал явный табачный запах — фраерок с боковушки пришел из туалета и влез на верхнюю полку. Ванька, не спускаясь, неуклюже развернулся лицом к проходу.

— Слышь, ты в туалете покурил?

— Зачем в туалете? — удивился фраерок. — Пятьдесят рублей проводнице сунул, она посторожила.

— В смысле? На стреме постояла?

Фраерок почему-то заулыбался и протянул Рыжему руку:

— Матвей.

— Еврей, что ли? А я Иван, — перебил сам себя Рыжий.

Матвей Рыжему понравился. Он водил его курить за свои, поил на халяву пивом и слушал истории Рыжего о пацанах, по которым тот уже успел соскучиться, о мамке и брате. Даша сердилась и пыталась угомонить болтливую мужа, но Ванька ее намеков не понимал.

— Курнуть бы... Пиво не лезет, — пожаловался Матвей вечером и отвернулся в окно.

Ванька поворочался, соображая, а потом все же отправился в туалет, сняв с верхней полки увесистую спортивную сумку. Поставив сумку на мокрый унитаз, Ванька вынул из нее трехлитровую банку ароматного смородинового варенья. Из банки он, стараясь не заляпаться, достал пакет с планом и, размотав его над раковиной, отщипнул маленький кусочек. Потом долго заматывал план обратно в пакет, обклеивал скотчем, пока, наконец, не утопил его в банке. Застегнув сумку, Рыжий ахнул — весь пол, раковина и даже зеркало оказались заляпанными густым смородиновым вареньем. Рыжий попытался растереть капли ногой, но от этого они растеклись так, будто по полу тащили труп. Повесив сумку на крючок двери, в которую уже кто-то стучал, Рыжий начал лить воду на зеркало и в раковину, случайно промочив висевший у унитаза рулон туалетной бумаги. Что делать с полом, он не понимал. Наконец, сообразив, вынул из-за унитаза половую тряпку и вытер пол, а потом еще долго полоскал тряпку в раковине.

Матвей, заметив потного, промокшего Ваньку, усмехнулся:

— Ты там стирал, что ли?

— Личинку откладывал, — хохотнул татуированный мужик с нижней боковушки.

— Пошел ты, — беззлобно ответил Рыжий и шепнул Матвею: — Я курить достал.

По перрону Казанского вокзала сновали грузчики с низкими широкими тележками, осматриваясь, брели испуганные приезжие, встречали их шустрые москвичи. Вдоль стен люди с чемоданами и баулами ждали начала посадки.

Даша, выскочив на перрон, тут же заскочила обратно и, схватив Рыжего за обе щеки, чмокнула в губы. Ванька робел. Подхватив сумки, он наконец вышел на перрон. Как в ледяную воду шагнул. Осмотрелся, продолжая держать в руках большой китайский баул и спортивную сумку.

— Поставь, — Даша попыталась взять у него баул.

— Ага, поставь! Москва же, уведут, оглянуться не успеешь.

— И куда дальше?

— Разберемся, — ответил Ванька, но голос его звучал неуверенно.

Вдруг рядом залаяла собака. Рыжий обернулся. Крупная овчарка рвалась из рук державшего ее полицейского. Второй полицейский направился прямо к ним.

Ванька, отшвырнув китайский баул, но не выпуская из рук увесистую спортивную сумку, рванул в подземный переход. Полицейский бросился за ним. Ванька завилал, пытаясь сбросить хвост, пробежал мимо стеклянных ларьков, вломился в какие-то тяжелые двери, хотел перескочить попавшийся на пути турникет, но створки неожиданно захлопнулись, и он растянулся на бетонном полу. Банка в сумке негромко звякнула. Разбилась. Запахло черной смородиной.

Полицейский надел на него сверху и скрутил руки за спиной. Шелкнули наручники.

Рыжий лежал между створок пронзительно пищущего турникета, щекой на бетонном полу, и видел ноги. Множество бегущих куда-то ног.

— Из грязи родился, в грязь обратился, — почему-то вспомнилось ему.

Зареванная Даша сидела перед отделением. Сначала она хотела куда-то пойти — поискать комнату или гостиницу, но на нее странно смотрели встречные хачи, и цыганка попыталась с ней заговорить. Перед отделением было спокойнее. Даша понимала, что Ваньку уже не выпустят, но участковый сказал ждать. И она ждала.

Когда Ванька вышел из отделения, Даша не сразу его узнала — не ожидала, что он появится. И только когда он присел рядом, бросилась на шею и расплакалась:

— Ванечка, как же это так? Как они тебя отпустили?!

Ванька сплюнул на землю и улыбнулся.

— А не было там нифига. Ограбили нас, Дашуня. То ли эти вытащили при обыске, то ли в поезде еще.

— Как? — Даша не могла поверить.

— А вот так вот, — Ванька сел рядом и хлопнул ее рукой по коленке. — Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

И засмеялся.

— Подожди, но там же в сумке все было, там же банка...

— Ну. Разбитая банка с вареньем, и все. Ни шиша. Сперли. Матвей, поди, рожа еврейская. Стал бы меня еврей на халяву поить...

— Да какой он еврей, у него волосы белые!

Помолчали.

— Да и хрен с ним. Главное, выпустили, — добавила Даша.

— Ну, — Ванька прижал ее к себе.

После перекура Рыжий заснул так крепко, что можно было и не волноваться, но Матвей решил перестраховаться. На ужин он угостил всех в купе кока-колой, в которую замешал изрядную порцию снотворного. Сладкая газировка у него была всегда. В детстве мама внушила, что несколько глотков способны предотвратить приступ эпилепсии, и ему реально помогало. Потом врачи сказали, что это бред собачий — максимум скачок сахара в крови, как следствие — повышение давления, что как раз должно приступ усилить. Но врачи много чего говорили неправильного — например, про то, что мороженое нельзя после удаления аденоидов.

В любом случае сейчас газировка помогала только отсрочить приступ минут на десять. Но этого обычно хватало — лекарство успевало подействовать или удавалось покурить травки, если приступ наступал в безопасном месте. За прошлый год Матвея накрыло только однажды. Но так позорно, что, приходя в себя, он первым делом подумал о том, что лучше б сдох. Реально.

Это случилось в начале января, в редакции городской газеты, где Матвей уже полгода работал курьером. В редакцию его устроила бабушка через какую-то свою ученицу, которая то ли замужем была за редактором, то ли сама там работала.

Матвею в редакции нравилось: он приходил к обеду, как и главный, дожидался его, пил чай, забирал корреспонденцию, прогуливался по центру — разносил, потом снова пил чай с корректором и верстальщиком и шел домой. Его ценили за исполнительность, ответственность и за бабушкин вишневый компот, который он таскал в редакцию трехлитровыми банками. Бабушка радовалась успехам, а когда Матвей жаловался на низкую зарплату, она совала ему в карман мелкую купюру и говорила:

— Ничего, Матюша, всем сначала побегать приходится, повысят потом. Главное, трудись как следует.

После праздников его и вправду собирались повесить до менеджера по работе с клиентами — нужно было вежливо отвечать на звонки и принимать платные объявления. Даже зарплату с главным уже обсудили. Прошлый менеджер поддавал, а с перепою хамил. Его надо было убрать.

Матвей уже предвкушал собственный кабинетик и пошучивал, что все теперь будут заседать у него, но тучный верстальщик отвечал, что в его будку не поместится, и они смеялись, а сухопарый корректор неодобрительно качал головой. Он тоже пил бабушкин компот, но всегда из маленькой кофейной чашечки, крохотными глотками и запивая крепким черным чаем. Верстальщик щедро мазал батон сгущенкой и наливал компот в большую пивную кружку. Корректор закатывал глаза, глядя на это, а верстальщик хохотал и предлагал ему батон.

У Матвея это была первая нормальная работа, и все эти люди очень ему нравились. Нравилось, как корректор, вычитывая гранки, фыркает и бубнит себе под нос:

— Ну кто так пишет? «Вообщем»! Господи-ты-боже-мой... Вообщем! Сил на вас нет!

А верстальщик весь день играет в компьютерную игру, иногда отрываясь на верстку платных объявлений, ждет номер, жалуется, что вот все уже домой, а ему еще верстать и верстать, но на самом деле он залихватски распахивает все материалы по полосам и уходит всего лишь минут на двадцать позже.

Матвей представлял себе, как «делает карьеру» — смеется с ними изо дня в день и постепенно растет в должности. Непременно до главного. Что-то в них было другое, во всей этой редакции, что-то особенное, умное, чего не было в его друзьях. Оно было в бабушке и частично в маме. Мама, правда, высшего образования не имела, но все же работала продавцом в книжном. В канцелярском отделе.

Матвей после школы окончил шарагу, во время учебы барыжил вместе с Кугой — перепродавал краденые сотовые, ноутбуки, иногда наркоту, но это удавалось редко. Временами менты падали на хвост кому-нибудь из местных барыг, принимались пасти, и тогда барыга находил «чистенького», типа Куги или Матвея. Бывало, конечно, устав от хвоста или спалившись, барыга подставлял «чистенького», но Матвею пока везло. После наркоторговли у них с Кугой появлялись свободные деньги. Тогда они мотались в столицу — скупали на вокзале технику за бесценок, желательно у цыган, а потом отвозили в родной городишко и продавали.

Матвей собирался подкупить телефонов и открыть точку на рынке, постепенно наторговать на аренду киоска в магазине, а потом купить франшизу салона связи, как в свое время сделал Тукан — самый крупный легальный бизнесмен в городишке. Но тут бабушка устроила его в редакцию, и Матвей сначала решил, что поработает тут временно — накопит на закупку товара, еще и Куга из армии вернется, как раз при деньгах: Куга ушел служить по контракту — хотел сразу киоск, без рынка. Но в редакции Матвею так понравилось, что думать о киоске теперь не хотелось.

Он мечтал, что Куга вернется, станет крутым бизнесменом и будет заезжать к нему на чай. И когда Куга протянет ему рекламное объявление своего салона, а потом полезет в бумажник, то Матвей накроет его ладонь своей и лениво проговорит:

— Я тебя умоляю, мы же друзья.

Но не сложилось. После новогодних праздников все были вялыми и разморенными, хотя отдыхал только главный. В его отсутствие редакция быстро зажила в другом ритме. Журналисты забегали на секундочку, приносили сразу несколько материалов, корректор приходил к пяти, верстальщик тоже около того, работал только менеджер рекламного, который к концу праздников был так зол на всех, что даже здороваться перестал. И вот в этот момент к нему и пришел тот старик. Крупный, высокий, в кашне и хорошем зимнем пальто, уже выдавшем виды, но все-таки пальто.

Старик пришел ссориться — он хотел переехать к дочери и продавал квартиру, но в объявлении, которое он дал, адрес указали неверно. Верстальщик клялся, что виноват менеджер, и он прямо сейчас бланк найдет, поддатый менеджер орал, что старик — шарлатан и риэлтор, он на самом деле продает две квартиры, дал объявление, потом наврал про то, что адрес перепутали, и деньги за объявление сэкономил. Редактор орал, чтобы не смели орать в редакции, а Матвей смотрел на старика.

Старик тоже был эпилептиком. Матвей понял это сразу же, как тот вошел. Он не мог объяснить, почему узнавал своих, но было в его походке что-то неуловимо робкое. На пол он поглядывал чуть чаще, чем обычные люди, будто примеряясь, куда придется упасть. Руку держал на кармане, чтобы успеть вынуть таблетки, и покраснел он такими же пятнами, когда уши и брови почему-то остаются белыми, и затрясся мелко-мелко, прежде чем рухнуть. Сначала кончиками пальцев, потом жила на шее запульсировала не в такт, и колено — какое подведет первым? Самого падения Матвей не увидел, потому что упал сам. Такая глупость — вылупился на старикана и не заметил собственного приступа. У старикана, впрочем, приступа не произошло — то ли от неожиданности Матвеевского падения, то ли и не был старик этот эпилептиком.

Матвея откачали, отпоили, пожалели и постепенно «ушли». Это, в общем-то и понятно. Распиховался при разговоре с клиентом — приступ, упал. Какой уж тут менеджер? Да и курьер тоже — повез документы в налоговую — и все.

После увольнения Матвей долго не мог прийти в себя. Пропил все заработанное, болтался по хатам, иногда просто целыми днями лежал, уткнувшись в телефон. Играл в змейку или тетрис. Бабушка пыталась поговорить, но Матвей слушать не хотел. Все прошлые перспективы казались ему теперь глупыми и неинтересными. Ну, будет он с Кугой барыжить телефонами, ну, доторгуют они до точки, потом еще до одной и еще. Это ж столько лет беготни, терок с наркоманами и ворами, каких-то коробок, касс, просиживания за прилавком, впаривания. Это не компоту попить и прогуляться по центру с папочкой, на которой красуется крупный логотип городской газеты. Когда все тебя принимают не за журналиста даже, а за юриста или бухгалтера, от которого эти журналисты зависят.

И, главное, разве виноват Матвей в том, что с ним эта хрень происходит? Он специально падает, что ли? Так почему его выкинули? Он же не автобус междугородний водить собирается и не атомную бомбу караулить, а просто объявления принимать. Ну, упадет. Ну, подождут, пока встанет, да и ладно. В чем беда-то? Если раньше, в школе и в шараге, Матвей радовался своей болезни — его и не били никогда, боясь припадка, и не спрашивали строго. То теперь стало очевидным, что во взрослой жизни никто с ним возиться не станет. И Куга, старый его товарищ, дружит с ним из жалости и из этого его противного благородства — типа, смотрите, у вас вот просто друзья, а у меня инвалид. И работать он с ним будет из жалости. Типа у вас просто продавцы, а у меня инвалид. Я каждый день рискую — ваши продавцы отпор дать смогут, а этот шлепнется, и грабьте сколько влезет.

Это было обидно. Настолько обидно, что Матвей окончательно смирился: пил, играл, шлялся. А на все вопросы бабушки отмазывался тем, что ждет из армии Кугу.

Наверное, Матвей так и сдох бы от пьяной икоты, не от нее самой, конечно, а от припадка во время нее. Так умер дед. Если пить несколько дней, появляется эта крепкая, тугая икота, от которой до боли стискивает легкие. Бороться с такой икотой бесполезно — нужно, чтобы вытошнило. Припадок у деда начался прямо во время тошноты, вместе с икотой, спасти его пьяные собутыльники не успели.

Как-то вечером, вспоминая деда и обещая себе завязать, Матвей ковылял через парк к дому и, утомившись, присел на уже занятую лавочку. Девушка, бросив на него быстрый взгляд, покачала головой и забубнила недовольно. Матвею это так напомнило корректора, что он рассмеялся. Девушка хотела было уйти, но Матвей не отпустил,

принялся сбивчиво объяснять и про корректора, и про эпилепсию, и про деда. Пока говорил, даже протрезвел и проводил девушку до дома.

Договорились, что завтра в семь он придет снова, но утром оказалось, что имени ее Матвей не запомнил. Бабушка, которая при упоминании о девушке тут же начала планировать свадьбу и крестить внуков, предложила идти к дому и разобраться на месте.

На месте оказалось еще хуже — девушка жила в частном секторе, провожал ее Матвей по темноте и понятия не имел, в какой именно дом та вошла. Он робко поспрашивал про широкоплечую девушку с темными волосами, но соседи хмурились и не понимали. Уточнять про то, что у нее тощий зад и нос мог бы быть не таким приплюснутым, Матвей не решился. Он понимал, что и сам далеко не красавец, еще и инвалид. А потому приходилось говорить, что главное в женщине — это чтоб «по общению» понравилась.

Следующим вечером Матвей потащился в парк. Весна уже началась, но было еще промозгло. Он почему-то надеялся, что девушка догадается прийти на скамейку, но бабушка сказала, что рассчитывать на это глупо — он вчера не пришел, так с какой стати она за ним бегать будет? Но девушка была там! Она сначала даже приветала от радости, но потом напустила на себя равнодушия и уселась обратно.

— Привет, — сказал Матвей и неловко примостился рядом, стараясь поймать ее взгляд. Она мельком взглянула на него и заулыбалась.

— Чё ржешь? — спросил Матвей, но и сам лыбился до ушей.

— Да у тебя рожа такая... Довольная...

Они похихикали. Матвей подумал, что теперь ее плечи не кажутся широкими, и носик довольно милый. Попу, правда он не видел, потому что она сидела, но казалось, что и попа ему теперь покажется вполне себе выпуклой. Девушка стала ему почему-то знакомой и родной, как когда привык сильно и уже не замечаешь, что у Куги очень короткие и широкие пальцы-обрубьши, у бабушки грудь лежит на животе двумя обвисшими мешками и пальцы на ногах такие заскорюзлые, что кажутся каменными.

— Меня зовут Матвей, — сказал он наконец.

Он ждал, что девушка в ответ тоже назовется, но она кивнула и улыбнулась. Матвей растерялся, не понимая, как же теперь спросить, но девушка, похоже, не отвечала ему специально и теперь расхохоталась.

— Клава, — медленно проговорила она.

— Чё?

Матвей уже представил, как он знакомит Кугу с Клавой, представляет бабушке Клаву или в загсе тетенька говорит: «Согласны ли вы... Клавдию».

Девушка снова засмеялась:

— Ну и рожа у тебя была! Не Клава я, расслабься.

Матвей выдохнул, и тут же принялся оправдываться, что, мол, ну даже если и Клава, то это ничего, просто у них с Кугой была такая знакомая, Автоклава. Она работала на заводе, страшно пила и славилась тем, что не носила трусов даже в самый лютый мороз — надевала побольше юбок в пол, но ноги оставались голыми.

— Да знаю я ее, — отмахнулась девушка. — Поэтому и сказала. Она ссыт стоя, как мужик.

Матвей расхохотался — Автоклава и вправду ссала стоя, каким-то волшебным образом умудряясь не нассать себе в ботинки и не забрызгать ноги. Вид у нее при этом был отрешенный и задумчивый. А потом она сходила с места, и на земле обнаруживалась лужа.

При всем своем алкоголизме Автоклава до сих пор оставалась женщиной красивой. Почему-то было от нее чувство, что не липнет к ней грязь, и даже бабы, ненавидевшие потаскух, к Автоклаве относились с жалостью. Рассказывали, что у нее ребеночка задавило. Эти ее юбки в пол и тревожный полусумасшедший взгляд делали

ее какой-то другой, особенной. И тело у нее было белым и мягким, странно податливым. У Матвея Автоклава была первой, как и у большей части мужчин в городке.

Когда Куге исполнилось пятнадцать, он решил, что все, пора им повзрослеть. Взял у бати литр самогона, у мамки — банку с соленьями, у Матвея — компот, купил три презерватива и пошел к Автоклаве. Естественно, вместе с Матвеем.

— Надо мне... это... — сказал он, покраснев. — А то в армию скоро, мужики засмеют.

Автоклава кивнула и пригласила войти. Они выпили по сто пятьдесят граммов, но Кугу совсем развезло — он медленно гладил Автоклаву по открытым плечам, пытался потрогать грудь, но отвлекался на бедро, нюхал ее волосы.

Матвей смотрел и запоминал — он хотел сделать все так же, когда настанет его очередь, но понимал, что повторить не сможет. Ему было противно толкать руку в ее промежность, из которой она ссыт стоя. Затолкать туда член почему-то казалось нормальным — видимо потому, что и сам Матвей им писает. Когда Автоклава разморилась и начала постанывать от удовольствия, Куга навалился на нее сверху, полежа неподвижно несколько секунд, а потом заплакал и сполз.

Матвей не понял, что произошло, Автоклава, похоже, тоже. Она погладила Кугу по голове и притянула к себе Матвея. Матвей был так озадачен неудачей друга, что не успел испугаться — оказался сверху на Автоклаве, задвигался, но все налилось, побелело и рассыпалось по комнате. Только в висках некоторое время продолжало стучать, как после приступа.

Автоклава ловко скинула Матвея с себя и склонилась к Куге. Тот уже пришел в себя, но лишаться невинности не стал, помотал головой и выскочил вон. Матвей хотел побежать за ним, но пришлось полежать немного на полу, чтобы в висках успокоилось — мог случиться припадок.

Куга долго потом объяснял, что не смог, потому что до слез жаль ему стало эту больную одинокую женщину. И так противно было, что он пришел ею попользоваться, — и прочее его благородство, которого Матвей не выносил.

Так у них и вышло, что Матвей стал мужчиной раньше Куги, а тот запоздал года на два. Сначала он влюбился и ждал, пока девушке его исполнится восемнадцать. Потом оказалось, что она давно спит с другим, старше, а Куге врет, что девственница. Куга как-то быстро отстрадал и нашел себе другую, опять несовершеннолетнюю, но эта уже не была девственницей. С ней он встречался до армии, но из армии она его не дождалась. И, покутив пару месяцев, Куга ушел по контракту.

У Матвея за все это время девушки так и не случилось. Ему нравилась одноклассница, которая была к нему добра, но он не решился подкатить. Сразу после школы она выскочила замуж. Потом была абитуриентка — внучка бабушкиной подруги, которая часто к ним заходила под предлогом подготовки в ВУЗ. Бабушка уверяла, что девушка влюблена в Матвея, и через полгода ей восемнадцать, и что она глупа как пень, а потому, конечно, никуда не поступит. А Матвей старше, еще и симпатичный. В общем, Матвей предпринял неловкую попытку ухлестнуть — несколько дней попадался на глаза и смотрел игриво, а потом приобнял девушку в темном коридоре. Девушка грубо оттолкнула, сказала, что он дебил, и что расскажет бабушке. Как будто бабушка и сама не знала.

А с этой девушкой, которую звали Карина, у Матвея внезапно сложилось. Сначала они много гуляли, потом Карина пригласила его на чай и познакомила с улыбчивой мамой.

Матвей опасался бабушки и не хотел, но все же пригласил Карину к себе. Бабушка была так мила, что даже Матвею стало неловко, а Карина и вовсе смущалась, как малолетка. Они уже начали держаться за руки на улице, причем это Карина

сначала взяла его под руку в гололед, а потом и за руку тоже. Матвей начал ее неловко обнимать при встрече и прощании, и хотел уже было поцеловать, но завис в волнении, и Карина рассмеялась. Матвею нравилось, что они оба понимают, к чему идет, от этого он чувствовал себя безопасно.

Карина выросла без отца. И дело было не в том, что отца у нее не было, много у кого так, — дело было в маме. Мама ее, женщина добрая и наивная, всю жизнь любила только одного мужчину. Он был ее первым. Красавец, умеющий пустить пыль в глаза и наврать с три короба. Холеный, жгучий такой. Он пытался петь, делать бизнес, работать диктором, коучем, тренером, но неизменно жил за чей-то счет, а у них появлялся только тогда, когда других вариантов не было. Мама подобострастно заглядывала ему в глаза, готовила обеды из трех блюд, покупала одежду и давала в долг. Карина видела, что отцу неприятно мамино липкое обожание, он с трудом терпит, и злилась на маму больше, чем на него. Потом он исчезал, и мама несколько лет расплачивалась с долгами. Она даже не плакала, так, ходила расстроенная пару недель, а потом начинала твердить, что он вернется. Он и вправду всегда появлялся снова, и мама опять принимала. Объяснять маме что-то было бесполезно, выгонять отца тоже не получалось — он слушал ее обвинения и равнодушно молчал. Поэтому Карина для себя решила, что никаких красавцев в ее жизни не будет. Выберет себе страшенького, но надежного, и проживет всю жизнь душа в душу, как соседка. Матвей подходил. Кроме того, что он не был красавцем, он оказался еще и инвалидом. Такой точно никуда не денется.

Матвей и не собирался. Существование Карины будто примирило его с жизнью. Теперь он думал о киоске с прежней радостью, читал Карине письма от Куги и присматривал комнату, чтобы снять. Жить с мамой Карины он стеснялся, бабушка могла в любой момент перестать быть милой, а Кариной он рисковать не хотел. Нужно было пошевеливаться — Куга скоро возвращался.

Матвей суетнулся, перепродал ворованную партию, но этого было мало. В их подмосковный городишко лимита повадилась перевозить родителей к себе, а потому с жильем в последние годы стало туговато. Матвей решил и сгонял в Москву, где на вокзале на все деньги накопил ворованной техники, целый баул. Продавался баул медленно, но выгодно. К приезду Куги поехал за второй партией — они явно будут кутить не одну неделю и, чтобы не пропить, капитал лучше хранить в технике, а технику у Карины.

В поезде Матвей познакомился со странной суетливой парочкой. Они так сильно палились, что было очевидно, что у них есть. Матвей быстро подмазался к рыжему гопничку, и тот по дружбе угостил отборным планом. Свежим, небодяженным. Если его толкнуть, то стартового капитала у Матвея получится даже чуть больше, чем у Куги за год службы. Потому рискнуть стоило.

В туалете Матвей пробыл долго. Сначала обрадовался, поняв насколько огромный куш ухватил, а потом начал бояться, что попадется. Он трясущимися руками завернул шмат в первую попавшуюся майку, сунул за пазуху, вернул сумку на место, долго соображал, как выкрасть у проводницы билет — на нем значилась фамилия, и если парочка сообразит, то сможет Матвея найти.

Решил действовать в лоб — изобразил волнение — от испуга это было легко, сообщил, что возвращается — с бабушкой беда, выпросил ближайшую крупную станцию, забрал билет и вышел. Проводница посочувствовала и бесплатно напоила чаем. Матвей пил и чувствовал, как за пазухой пропитывается вареньем майка, он старался запахнуться и меньше двигаться — смородиной пахло так сильно, что проводница понюхала свою чашку — думала, чай такой, ароматизированный.

Вернувшись в городок, Матвей сначала выспался, потом захоронил план под матрасом и отправился снимать комнату. Можно было тратить много — с продажи

плана на аренду не то что точки, еще и квартиры хватит. Сначала он подумывал снять комнату, но потом передумал и снял двушку. Теперь они с Кугой будут жить вместе, а раз есть Карина, то Матвею нужна отдельная комната.

Карине квартира понравилась. Она выбрала комнату побольше, отметив, что у Куги же пока гостей не будет, а у Матвея — да. Вела она себя странно и даже присела на край постели, хитро поглядывая на Матвея. Но Матвей не решился — бабушка была права. Перед выходом бабуля, недовольная тем, что Матвей ее бросает, ляпнула, чтоб в койку сразу не тащил, а то будет Карина как шлюха на съемной хате. И сейчас атмосфера накалилась, в комнате было жгуче, и Матвею казалось, что надо пересесть к ней и поцеловать, и переспать уже, но оттого, что Карина это понимала и тоже ждала, становилось невыносимо неловко.

— Ладно, пойду я, — наконец проговорила она.

— А может, переедешь? — спросил Матвей. — Я же как бы это... Для тебя...

— Чего? — Карина, кажется, удивилась. — Я думала, для Куги.

— Для Куги комнаты бы хватило.

Карина улыбнулась куда-то в пол и вышла. Матвей ночевал один. Он долго слонялся по квартире, искал, куда спрятать план. Решил, что в шкафчик под подоконником. Уложил его под фанерное днище, а потом долго еще пил пустой чай из кружечки с лисичкой. Такая кружечка (лисичка с петушком под мышкой) была у них в садике, но ее все время брал сын воспитательницы. В нее вмещалось больше, чем в остальные, с цветочками, и, когда давали кисель, Матвей жалел, что кружечка снова не у него. Вязкий кисель с легкой кислинкой он любил больше всего.

И почему-то оттого, что он один тут хозяин и может выбрать любую кружечку, и нет сахара, и лень за ним идти, но никто тебя и не заставляет, жизнь показалась интересной и своей. Будто бы теперь наступает особенная свобода, которой раньше никогда не было. И все вроде бы в его жизни остается тем же — никуда не делась бабушка, не вернулась мама, завтра придут Карина и Куга, но все это теперь есть только потому, что Матвей так хочет. А если будет хотеть по-другому, то просто не откроет дверь, не даст никому ключи и останется тут один.

Спал он плохо. Перед сном подумал, что Куга в армии мог измениться, что надо было снять ему отдельную квартиру. Но тогда он бы точно обиделся.

Нет, Куга оказался прежним. Никак не мог усидеть на месте, метался по квартире, начиная то драить полы, то названивать друзьям, то резать овощи на салат. Сегодня должны были отмечать его возвращение, и Куга три раза отправлял Матвея в магазин за бухлом — боялся, что не хватит.

Карина пришла раньше и помогала на кухне. Они с Кугой сразу друг другу понравились. Карина слишком долго смеялась тупым солдатским шуткам, а он, нарезая колбасу, склонялся к ней и шептал что-то, от чего она хохотала еще громче. Матвей, который этого и боялся, был уверен, что Куга отсылает его в магазин неслучайно, и, вернувшись, он рискует застать сцену, для себя убийственную. Почему-то представлялась короткопалая рука Куги на Карининой плоской заднице. Он даже подумал о том, что если сейчас застанет Кугу на Карине, то возьмет нож и всадит его Куге прямо в ладонь. Нож пройдет насквозь и пригвоздит ее к Карининому заду. Но они все еще готовили и болтали.

Конечно, Матвей взбудоражился не просто так. Куга оказался очень красивым и так смотрел на нее, что Карина поняла свою мать. Все эти планы на будущее, обещания самой себе — все меркло, казалось глупым и ненужным. Карина смотрела на его ладони и хотела, чтобы эти крепкие мужские руки до боли сжали ее грудь и чтобы он обнял ее. И поцеловал. Он тоже хотел ее — она чувствовала, но дать ему было нельзя. Не из-за Матвея, конечно, а потому, что она себе пообещала. И обещание свое сдержит. Она сегодня же переспит с Матвеем, и тема будет закрыта. Навсегда.

Вернувшись, Матвей приглядывался к их одежде — думал, что они могли быстренько перепихнуться, а потом сделать вид, что так и пробыли все это время на кухне. Но у Карины по-прежнему торчал уголок этикетки из-за пояса джинсов, и он как бы гарантировал ее неприкосновенность. Матвей понимал, что гарантия вообще-то ненадежная — Карина могла тупо сходить пописать и заправить этикетку или могла перепихнуться с Кугой, но этикетка бы снова вылезла. И все же она частично успокаивала.

К вечеру пришли пацаны, напились быстро, хохотали, слушали армейские истории Куги, рассказывали новости. Матвей расслабился и даже подумал предложить пацанам плана, но отвлекся на Карину — она почти никого не знала и явно скучала. Матвей хотел проводить ее домой, но она ответила, что лучше пойдет в его комнату — голова от дыма разболелась.

Минут через пять Куга поинтересовался, где Карина, и Матвей, только по хитрому лицу Куги понял, что ушла она не просто так. Стало неприятно. Матвей понял, что теперь, когда у него есть Карина, Куга ему мешает. Раньше с ним было хорошо, он был близким и, когда командовал, это не было обидно. Но теперь Куга выпал. Его не было рядом, когда Матвея взяли на работу, когда его выгнали, когда он пил и когда познакомился с Кариной. У Матвея шла своя жизнь, он менялся, он рос и страдал, а Куга пришел и разговаривает с ним так же, как много лет назад. Как с пацаном на побегушках из средней школы. Это унижало, но попытки объяснить ни к чему не привели. Куга при упоминании о том, сколько лет прошло, впал в ностальгию и полез обниматься.

И сейчас Матвей пошел к Карине совсем не потому, что ему намекнул Куга, а потому, что обиделся. Это было прилюдно, пошло, и все тут же узнали, чем он там сейчас с Кариной займется. А Матвей не был уверен, что между ними что-то произойдет. Конечно, Куга не понимал этого — он хотел польститься, и пацаны и вправду уважительно улыбались. Но Матвею стало ясно, что до сих пор не переспать — очень глупо, настолько глупо, что Куга даже предположить такого не мог. И что у Карины правда могла заболеть голова. И что Матвей боится до похолодевших ладошек, что у него не встанет, а вместо этого начнется припадок.

Карина лежала на кровати, и вид у нее был совсем не больной. Матвей присел рядом, и она вдруг потянула его за руку на себя. Матвей лег рядом. Они целовались, он трогал ее попу через джинсы, Карина начала снимать с него олимпийку и только теперь Матвей поверил, что сейчас все произойдет. Он старался сдерживаться, и пока получалось, снял с Карины свитер. Джинсы она сняла сама и лифчик тоже. Матвей снял штаны и посмотрел — член стоял как железный штырь, и у Матвея отлегло. Карина взяла его за член, помассировала немного и легла на спину. Она сделала это все так спокойно и просто, что ясно было — у нее секс не впервые. И, видимо, он у нее был долго и нормальный, а не одноразовый перепихон когда-то в детстве. Матвей навалился сверху и хотел войти в нее, но не попал сразу и не понял, как попасть. Карина потянулась туда рукой, чтобы помочь, но Матвей уже задрожал и все.

Приступ, похоже, был короткий, но, когда Матвей пришел в себя, над ним нависал державший его Куга. Плачущая Карина, забившись в угол, пыталась прикрыться одеждой. Гости толпились в дверях и встревоженно переговаривались.

— Живой? Вот и славно, — проговорил Куга по-доброму и немного весело, отчего стало еще ужаснее.

Куга хлопнул его по плечу и вышел. Матвей лежал на спине, боясь пошевелиться — промежность его Куга накрыл одеялом. Карина все еще плакала. Нужно было что-то сказать, но было так стыдно, что Матвей продолжал лежать, делая вид, что еще не в норме.

Карина наконец вытерла слезы, поспешно оделась и вышла, о чем-то переговорив

с Кугой. Кажется, они смеялись. Да, они все над ним смеялись. Похохотали. Весело же, ну. Вся злость и боль будто бы собрались в одного Кугу и его веселое: «Вот и славно». Инвалид. Припадочный. Вот и славно. Бабу трахнуть не может. Вот и славно. Опозорился на весь район. Вот и славно. Бросила любовь всей жизни — и это славно.

Матвей, шатаясь, вошел в кухню. Куга улыбнулся и полез в холодильник, чтобы налить ему колы:

— Очухался немножко?

Матвею на секунду показалось, что он накрутил, что не мог Куга, его старинный друг, смеяться над ним, и пацаны не могли, и Карина — она же правда плакала, но Куга протянул ему стакан и добавил:

— Вот и славно.

Матвей почувствовал, что это — последняя капля. Последнее «славно». Он схватил со стола бутылку, хлопнул ее о край, как в кино. Она разлетелась, обдав ледяными брызгами. И было неясно — это холодная водка или мелкие стекла, впившиеся в руку. Он двинулся на Кугу, выбросил розочку вперед, стараясь попасть в живот, обтянутый белой майкой, но Куга резко толкнул его в лицо, Матвея мотнуло влево, он шарахнулся головой о холодильник и упал назад. Ждал припадка, но припадка не было. Все почернело, воздух отяжелел и начал давить. Стало душно, но дышать было лениво и трудно. И Матвей умер.

С самого утра Юра маялся. Хотелось, как после отпускных, взять жену, сына и пойти в торговый центр. И покупать там. Не просто игрушки, какие сын попросит, но и жене что-нибудь воздушное. И себе. Джинсы синие можно было бы. Если бы да кабы.

И обязательно встретить соседа или сослуживца. Дать жене карту у того на глазах:

— Вы походите пока, ага. Ему тоже чего-нибудь купи. — И соседу: — Пойдем по пивку?

И знать, что не пойдет. Потому что жена у него мегера и смотрит недовольно. А потом в кино и до дома на такси.

Торговые центры Юру завораживали. Здесь он переставал чувствовать себя ничтожным клерком небольшой конторки с ипотечной однушкой, усталой женой и мелким. Здесь всегда было светло, торжественно, шумно. А, главное, лица у людей были такие довольные, будто они на праздник пришли, а не за покупками. Офисное здание, в котором работал Юра, вроде бы тоже светлое и шумное, но свет там какой-то синий и шум нерадостный, без вкрапления детских визгов и смеха...

Но денег пока не было. И единственное, куда можно было сегодня пойти — на детскую площадку с сыном.

Сына Юра любил. Иногда уставал от него, конечно, и покрикивал, но сын рос и вел себя все лучше и лучше.

От свежего воздуха накатывающая скука немного развеялась, но все равно хотелось чего-то особенного: в торговый центр, секса или выпить. Можно было сгонять в стекляшку за пивком, но сын так увлеченно лепил свои куличики, что отрывать его, объяснять, что они на пять минут, а на кассе сын начнет просить шоколадку... Стало лень. Незаметно для себя Юра тоже подобрал веточку и принялся вслед за сыном ковырять песок, чертить на нем всякую белиберду, но не в самой песочнице, а рядом. Это и вправду оказалось интересно и сильно успокаивало. Юра прорыл в земле квадрат, похожий на крепостной ров, и, вскинув взгляд, заметил в кустах что-то кожаное. Он потянулся и ткнул в это веточкой. Кошелек. Черный кошелек из козжама: проездной, пара скидочных карт из стекляшки и супермаркета и... двадцать тысяч рублей новенькими купюрами. Будто бы кто-то вынул из банкомата новенькие, уложил аккуратно и подбросил Юре.

— Спасибо, господи! — хохотнул Юра и оглянулся — сын бубнил себе под нос и

ничего не заметил. Юра вытер кошелек о штанину — мало ли, чтобы отпечатков не было, и закинул обратно в кусты.

— Пошли, конфет купим, — улыбнулся он сыну.

Тот посмотрел на свои постройку, посомневался, но все же пошел.

Дома Юра хотел обрадовать жену своей находкой, позвать в торговый центр, но она фыркнула, когда он вошел:

— Ты пил, что ли?

Юра передумал идти. И про деньги говорить тоже передумал. Пусть будет у него в кои-то веки его собственная сумма на карманные расходы. А то даже с мужиками лишний раз не посидеть.

На следующий день Юра на работу не пошел. Пошел в торговый центр. Отгулов у него было накоплено прилично на случай болезни мелкого, да и в отпуск он в этом году не ходил.

Чувство было странное — будто бы он снова в школе и прогуливает. И если его поймут, то придется объясняться — не маме, конечно, но жена точно не поймет. От этого холодило внутри и появлялось давно забытое чувство опасности, которого не было уже много лет, и слабый намек на него возник вчера, когда он стирал отпечатки с кошелька.

Юра купил костюм. Хотел дорогой, тысяч за пятнадцать, но опять повезло, и купил распродажный, за восемь, а потому пошел в самый навороченный ресторан. Респектабельный мужчина с большим пакетом из дорогого магазина в хорошем ресторане. Было так приятно им быть, что Юра просто сидел, рассеянно листая меню, и хотелось сидеть так целую вечность.

Днем в торговом центре было пусто, а в ресторане так и вообще — обедали два мужика, параллельно решая какие-то вопросы, и скучала одинокая девушка из тех, что приходят клеить таких вот мужиков. Заметив ее заинтересованный взгляд, Юра развеселился. А что если покадрить немножко? В кои-то веки есть на что угостить, и когда еще он почувствует себя таким вот респектабельным одиноким мачо? Юра незаметно снял обручальное кольцо, как делали в фильмах, сунул его в нагрудный карман и подозвал официанта:

— Принесите той девушке бокал шампанского. Скажите, что это комплимент. От меня.

Дальше происходило что-то особенное, на обычную Юрину жизнь непохожее. Девушка улыбнулась, взяла бокал и подошла. Протянула руку:

— Аня.

Юрий поднялся, галантно поцеловал ей ручку, параллельно думая только о том, как же ловко у него все это выходит. Видимо, в фильмах он столько раз это видел, что научился, сам того не заметив. Голливудская улыбка:

— Юрий. Присаживайтесь.

— Очень приятно!

— Взаимно. Вы очень красивая.

— Спасибо, а вы очень галантный молодой человек.

— Не такой уж молодой.

— Это тоже хорошо.

Они о чем-то говорили и дальше, но это тот Юра, богатый и респектабельный, говорил, а настоящий Юра рассматривал девушку. Молоденькая. Никогда он с такими не встречался, даже в институте, хотя тогда он был красавчик и факультет у него в педу был бабский. Но это была такая девушка на выгул, — нежная красотка для папиков, особенный разряд. Положительные девушки из общаги таких осуждали, и они с пацанами это осуждение поддерживали — мол, ни души, ни мозгов. Но все равно точила внутри честная мысль о том, что девчонки просто завидуют их холености,

нарядам, духам и спокойной уверенности в себе. А пацаны понимают, что не по зубам такая вот девочка — даже если срастется, то потом придется чувствовать себя нищим неудачником и бояться, что она упорхнет. И он всегда робел заранее, и отвечал недовольно, и уходил быстро, чтобы не влюбиться нечаянно.

А теперь смотрел на такую вот красотку, болтал с ней и чувствовал себя невероятно крутым. Не из-за свободной пятерки в кармане, которую он сейчас спустит, и не из-за костюма в хрустящем картонном пакете, стоявшем у ног, а из-за этой поразительной свободы. У него жена дома, ребенок, ипотека, и сиделка эта — просто игра на полчаса, и девочка — игра. Можно расслабиться, наблюдать и думать о том, что теперь он знает, куда ходят такие девочки, когда прогуливают пары. Спа, брови и перекусить. Только здесь индейка не жареная, а на гриле.

Дома Юрий распаковал костюм, положил его на кровать и начал прикладывать к нему рубашки. Подходила любая. Юра думал, что это не потому, что и вправду подходит, а потому, что костюм этот будет напоминать ему об этом прекрасном дне. Дне, который он прожил так, как должен проживать всю свою жизнь. И про юную Аню, которая подарила ему это чувство мужественности и привлекательности, которого утомившая жена дать не может.

Внезапно вошла жена и замерла на пороге.

— Ого! Это что?

Пока она подходила к кровати и рассматривала этикетки, Юра чувствовал, как возвращается в него нищий клерк, этот пресловутый менеджер среднего звена, этот человек-штамп. Он постарался удержать волшебное настроение:

— Этот лучше? Как думаешь?

Но прозвучало заискивающе и стыдливо. Жена разозлилась.

— Восемь тысяч!

— Он в два раза больше стоит.

— Очень здорово! У нас долги по ипотеке, а ты костюмы покупаешь!

— Я должен хорошо выглядеть. У меня же переговоры. Мне начальник замечание сделал.

— Нас выселят скоро, мы под забором будем хорошо выглядеть!

Дальше началась ссора, но Юра как-то даже не злился. Ругался с женой нищий Юра, а настоящий Юра остался сидеть в том кафе, с Аней.

Доругавшись до крика, Юра хотел уйти на улицу, подышать, но жена разоралась бы еще больше. Поэтому Юра прихватил на прогулку сына. Пока тот возился в песочнице, Юра набрал Аню. Нет, он не собирался больше с ней встречаться, но хотелось вернуть это ощущение собственного достоинства, силы и немного опасности.

Они поболтали ни о чем, посмеялись глупостям, пока сын качался на качелях и осваивал горку в соседнем дворе — в своем говорить было небезопасно, какая-нибудь сердобольная соседка могла подслушать и донести.

Разговаривая, Юра прохаживался перед лавкой, меланхолично попинывал окурки и пустые бутылки — вчера здесь явно заседала какая-то буйная компания. У мусорки лежала упаковка от презерватива, и это сильно удивило Юру — видимо, кто-то занялся сексом прямо тут. Возможно, на виду у случайных прохожих и жителей дома. Может быть, кто-то не спал и все видел. От этого защекотало внутри и стало сначала смешно, а потом обидно: вот у людей жизнь — делают все что хотят, а Юра даже на улице сексом-то никогда не занимался, только в помещении.

Неожиданно бутылка откатилась в сторону, и за ней оказалось кольцо с крупным камнем. Юра сначала подумал, что это бижутерия и поднимать его как-то стыдно. Он присел на лавку и сделал вид, что завязывает шнурок. Кольцо оказалось дорогим — у мамы было такое, еще бабушкино — довольно грубое на вид — массовая советская штамповка, но оно было с рубином, точно с настоящим рубином, очень

крупным. Когда умер отец, мама продала кольцо и купила Юре велосипед, а себе стиральную машину.

Юра вспомнил маму и даже хохотнул от радости. Мама точно за ним наблюдает — смотрит сейчас с облачка и подсказывает, что не ту жизнь он живет — слишком рано женился, слишком рано дети и, уж тем более, ипотека. Она же говорила, но тогда Юре казалось, что мама драматизирует — он уже нагулялся, устал от одиночества и непостоянства, а жена — это точно та самая. Юра и сейчас так думал, и возмущение внутри, оно было не против жены или сына, оно было против безденежья, против работы, на которой он впахивал круглыми сутками, но ни роста тебе, ни прибавки.

Все это время Аня продолжала болтать — что-то про ее институт и сессию. И Юра, окрыленный находкой, решил пригласить ее завтра куда-нибудь. Заберет с пар на такси. Ему хотелось ощутить еще и это. Почувствовать себя уважаемым папиком, который снимает себе студенточку на глазах у ее нищих юных сокурсников. Аня обрадовалась, и Юра рванул в ломбард. Он был за углом, внутри Юра никогда не был, но оказалось несложно. Приемщик пытался занизить, но Юра пересчитал на современную стоимость машинки и велосипеда и затребовал пятьдесят. Приемщик согласился, а Юра расстроился — продешевил. Если в ломбарде взяли за пятьдесят, сколько оно на самом деле стоит? Но предвкушение завтрашнего дня наполнило его такой гордостью, что он перестал жалеть. Шел и улыбался. Просто шел и улыбался. Впервые за долгие-долгие годы шел и улыбался самому себе. Спасибо, мама.

В песочнице сына не оказалось. Юру прошиб пот, а потом обдало ледяным испугом. Он рванул к ломбарду, обратно, к дому и зачем-то к магазину и орал одно и то же:

— Вова! Вова! Сынок! Ты где?

Вокруг никого не было, встревоженно поглядывали случайные прохожие, но по лицам их было ясно, что не видели — даже спрашивать бесполезно. В голове стучало: «Просрал. Просрал. Сына просрал. Просрал сына».

Юра рванул к дому — оставалась еще слабая надежда, что Вову мог привести сюда кто-нибудь из соседей.

Вломился в квартиру и заорал в коридор, готовясь расплакаться или проломить стену:

— Роза! Я Вову потерял!

Жена вышла из комнаты, холодная и сердитая:

— Он домой пришел!

— Сам?

— Представь себе!

Юра осел на стул у порога и всхлипнул. Жена хотела поругаться еще, но не стала, видимо, выглядел Юра жалко. Чтобы как-то прийти в себя и оправдаться, даже больше перед собой, чем перед ними, Юра разулся и прошел в детскую:

— Ты почему ушел? А если бы ты потерялся? Или под машину попал? Я сколько раз говорил, потерялся — стоишь, ждешь! Я говорил тебе? Говорил? Отвечай!

Вова молчал, опустив глаза, и Юре стало еще хуже. Виноват был он сам, конечно, но и сын. Мог бы и подождать.

На следующий день Юра потребовал повышения. Просто так зашел к боссу, сел напротив закинув ногу на ногу и объяснил, что это он лично нашел сразу нескольких выгодных клиентов и заключил с ними крупные сделки. И что жена, ребенок и ипотека.

Босс был удивлен напором и смотрел на Юру с большим интересом, будто вообще впервые его видит. А может и вправду, не замечал раньше. Пообещал поговорить с финансовым и вызвал после обеда. Поговорил. Выписал премию и повышение.

Юра сидел на месте и шелкал калькулятором. Выходило хорошо, с новой

зарплатой по ипотеке можно рассчитаться года на два быстрее. А, если не гнать и оставлять эти деньги на жизнь, будут не только торговые центры по выходным, но и, возможно, отпуск. Спасибо, мама.

Если бы не эти находки, то Юра так никогда и не решился бы. Он скачал из соцсети фотографию мамы и поставил на рабочий стол. Погладил по лбу пальцем.

Аня уже ждала. Получилось и вправду хорошо. Куча студентов у входа в корпус, такси и Юра в новом костюме. Аня порхнула в машину, и Юра увидел это — несколько ненавидящих взглядов. Такая явная и сильная зависть.

— Вон тот в тебя влюблен. И этот, — он поцеловал Аню в щечку и показал на студентов. — Так посмотрели!

— Да это бывший мой, он дебил, — улыбнулась Аня.

Дальше Юрий наслаждался. И опять же не самой Аней, к ней он привык медленно, и даже прикоснуться особо не хотелось, а этим чувством удовольствия. От дня, от хорошего ресторана и вкусной еды, от легкости общения и от денег в кармане. Это его найденные деньги, это излишек, посланный ему мамой на карманные расходы, чтобы он расправил крылья, наконец и почувствовал себя сильным.

Из телевизора за Аниной спиной лились картинки курортов, дорогих вещей, еды и роскоши, и Юра снова почувствовал это забытое студенческое чувство карьерной лестницы, устремленной в неограниченное богатство. С ипотекой он потерял это чувство, остановился, и было ясно, что чуда теперь не будет, будет пятнадцать лет по тридцать в месяц. И как-то выживать на оставшееся. И помощи ждать неоткуда. Теща крепкая еще женщина, но работать не хочет, пенсия у нее маленькая. Мама Юры умерла, с ее квартиры в пригороде они и сделали первый взнос. А через пятнадцать лет — жизнь прошла, а надо еще ипотеку, теперь уже для сына. А еще вуз. И жениться захочет. А там внуки. Внуки! Я дед. И все.

И важно было вернуть себе эту студенческую дерзость, это чувство лестницы. Это самодовольство. Он трахнул Аню в примерочной дорогого магазина и купил ей то, что она примеряла. Она, кажется, была довольна — думала, старый хрен обезумел от страсти, а он просто не хотел возиться со съёмной квартирой — не настолько хотелось секса.

Домой он вернулся поздно, стараясь не шуметь, прокрался на кухню. Жена сидела за столом и смотрела на него странным взглядом, будто сама не понимала, рассержена она или рада, что нашелся.

— А ты чего не спишь?

— Два часа ночи! Ты почему трубку не брал?

— Телефон сел.

Юра подумал, что гроза миновала и поцеловал. Разговаривать было странно, будто бы это не он говорил и врал сейчас, а кто-то за него. Кто-то хитрее. Может, дух мамы помогал. Или это уважаемый Юра наблюдал со стороны и диктовал.

— Ты пил, что ли?

— Да. С начальником.

— Чего?

— Да, меня повысили, прикинь. И... Он меня поужинать позвал, обсудить работу. И напился.

— Он пьет?

— В том-то и дело, что нет. А тут прям нажрался с непривычки, мне пришлось такси ему вызывать. Еще самому платить!

Так складно вралось. В самом начале было еще немного волнения, но потом спасительная версия нащупалась, и стало легко и радостно сочинять.

Это чувство приключения вообще его больше не оставляло. Особенно после того, как он снял для Ани убитую двушку около универа. Аня и сама в ней не жила,

оставалась иногда, но в квартирке постоянно тусили какие-то ее сокурсники, репетировали КВНщики, все приносили еду, а отчисленные ребята заняли вторую комнату и платили половину плюс коммуналка. Юра начал уходить с работы пораньше и пропадал там.

Здесь было весело, интересно. Они пили, курили траву, трахались во всяческих сочетаниях и устраивали долгие кухонные разборки на тему «ты не понимаешь мою страдающую душу». Во времена своего студенчества Юра жил в общежитии и тоже выпивал иногда, тоже устраивал разборки, тоже спал с кем попало, но у них все было куда спокойнее. Все понимали, что придется и дальше жить вместе и что на следующий день узнает весь университет, а потому скандалить надо тише, и, вообще, лучше не афишировать.

А эти ребята были так раскованы, что с ними Юра чувствовал себя чуть ли не в притоне на дне французских трущоб. Тут он попробовал траву. Тут он попробовал групповой секс с Аней и ее подругой. Тут он впервые пил абсент и ходил голым перед незнакомыми. А потом умывался и шел домой. Ему казалось, что он шпион из боевика и находится на задании, вызнает что-то у божественной революционной группировки, и все, что там происходит, — не считается. Он просто по заданию. Пока однажды не случилось.

Юра задержался на работе и пришел к Ане поздно. Была на этот раз какая-то крепкая гидропоника, а он не ел, и его штырило часов пять и, когда перестало, он вырубился и очнулся уже утром. Рванул домой. Жена была в ярости.

— Я чуть с ума не сошла! Все больницы обзвонила! Где ты шляется опять?

— Ты как разговариваешь?

— Ты дома не ночевал и телефон выключил! Нормально?

— Я на переговорах был всю ночь!

— Ой, как интересно! И с кем ты договаривался?

— Ты тон смени! Муж с работы пришел, всю ночь пахал.

— Пахарь! Так где ты был-то?

— Переговоры с поставщиками в другом часовом поясе.

— И начальник твой с вами был?

— Да!

— А мне он сказал, что ты дома. И сам он почему-то дома был.

— Ты что, моему начальнику звонила?

— Да, и начальнику, и на работу, и в полицию.

— Ты зачем меня подставила? Я хотел с поставщиками мимо фирмы договориться, свое дело начать, а ты меня слила!

— Да не сливала я тебя.

И тут в разговоре опасно надломилось, надо было выправить, но Юра почему-то решил доломать, и сам этому поразился:

— Как меня задолбали твои подозрения! Все, я ухожу, я устал от такой жизни.

— Чего???

— Не хочу с тобой скандалить, все. Нам лучше расстаться!

Юрий выскочил на лестницу. Конечно, он мог в любой момент вернуться, наврать, вымолить прощение, но он не хотел. Ему понравилось, что вранье завершилось. Устал, устал врать и спешить домой. Стало легче.

На улице светило солнце, и Юра даже улыбнулся. Было странно, как-будто что-то ужасное исчезло — вскрылся прыщ или вырван изводивший зуб.

Дальше понеслось — на работу Юра начал опаздывать, спал уже не только с Аней, но и с любой свободной студенткой, ел мало, много пил и на работе стал рассеянным. Работа вообще мешала. Деньги были не особенно нужны, приходившие

приносили алкоголь, какую-то еду, Юре тоже приходилось покупать на всех, поэтому он приносил дешевое, а съесть старался дорогое. Как и остальные.

Но они-то оставались дома и веселились, пока он пахал, а потом тратили родительское, а Юра вынужден был переться с похмелья на работу. Недовольство нарастало, и, голодный, после работы Юра, не найдя вообще ничего, даже как-то подумал о том, что сейчас гаркнет и выгонит их всех отсюда. Решил потерпеть и попытался найти хоть что-то, идти в магазин ломало.

Вместо солений или варенья обнаружил в шкафчике под подоконником здоровенную закладку плана, угол от которой был уже отщипан. Юра сначала хотел спросить, чей это, потому что добра тут было прилично, но вспомнил о маме. Что если это очередной подарок? Ведь давно уже ничего волшебного с ним не случилось. А если он сейчас спросит и найдет мнимый хозяин? В конце концов, он уже несколько месяцев спускает на них всю зарплату, можно и забрать в качестве компенсации.

Кроме того, он подозревал, что это план Дисы, который иногда наведывался не просто продать, но и потусить с ними, и вполне мог притарить товар не у себя. Тогда Дису следовало наказать. В общем, Юра спрятал план на антресолях и начал ждать.

Все вели себя как обычно. Никто ни о чем не спрашивал, Диса тоже приходил и продавал. Хотя при нем Юра даже раскрыл шкафчик. Диса не дрогнул. План можно было оставлять себе. Продать и больше не работать. По крайней мере, пока.

Это было так вовремя, что сомнений не оставалось — это мама помогла. Начальник давно косился и даже выговоры объявлял, но в то утро Юра по его тону почувствовал, что сейчас все кончится. Надо было, как с женой, потерпеть и извиниться, но терпеть больше не хотелось. Хотелось свободы. А нужно было разговаривать. Зачем люди разговаривают вообще? Ничего хорошего из этого все равно не выходит.

— Юра, стой. Зайди, пожалуйста.

— Здравствуйте, Игорь Иванович!

— Бессонная ночь? Ты любовницу завел?

— Я?

— Я так и понял. Мне вчера твоя жена звонила.

— Да вы...

— Не хотел же тебя повышать. Рано тебе такие деньги иметь. Сразу ушел в разнос.

Ты за голову возмись. Пока не поздно.

— Да кто вы такой, чтоб меня как пацана отчитывать?

Это да. За время жизни со студентами Юра привык к позиции папика. Он был главным. Он решал. И они не смели.

— Юра, я добра тебе желаю.

— Я вашего мнения спрашивал? Я к вам в жизнь не лезу. Знаете что? Раз вы так со мной разговариваете, я увольняюсь! Поглядим, как вы без меня запоете!

Юра хлопнул дверью и пошел прочь. Чувствовал спиной изумленный взгляд начальника, чувствовал, что делает неправильно и что это какая-то детская истерика, и тоже будто бы не его, а где-то увиденная раньше, но все равно ушел.

Свобода.

На последние деньги вывел Аню в ресторан. Ей никто ничего не говорил, но она, кажется, догадывалась, что Юра спит не только с ней, и корила себя — идея с подругой и сексом втроем принадлежала ей. Юра не хотел расставаться — привык, и хотелось хоть в ней какой-то стабильности, а потому принялся вешать ей лапшу про то, что уходит на другую работу.

— Сейчас устраюсь, сделку крупную проверну, в Майами зимовать поедем!

Аня верила.

— Я с поставщиками напрямую договорился, сейчас вложусь, привезу партию, продам — и все. Купаться в деньгах будем.

Аня хотела в Майами, а потому расцеловала радостно и предложила отметить. Юра хотел позвать официанта, но вместо него почему-то увидел лицо жены. И еще секунд тридцать приходил в себя, пытаясь понять, не кажется ли ему и что теперь делать. Подошел. Жена чуть не плакала.

— Роз...

— Не надо. Я по другому поводу.

— Мы же разводимся, и я... Мы с ней недавно, ты не думай...

— Юр, мне это все и так унижительно, я, если бы не была в таком положении, в жизни бы не пришла.

— Что-то с Вовой?

— Нет, но он постоянно про тебя спрашивает. У меня огромные долги по ипотеке, квартиру собираются отобрать. Нас с Вовой выселят... А мы же договаривались, мы ее вместе брали, и я не рассчитывала, что ты...

— Я буду платить алименты...

— Ты же уволился! Какие алименты?

— Роза, я буду помогать, я от своих обещаний не отказываюсь, это мой сын. И я уже нашел новую работу. Через пару месяцев я...

— Юра, мне сейчас деньги нужны! Мне нечем платить!

Юра торопливо сунул ей купюры из кармана, надеясь, что в бумажнике что-то осталось:

— Все что есть, остальное на карте. Позже переведу. Я позвоню!

Жена убрела прочь. Юре было так мерзко, что он даже ужинать передумал — пошли домой и закурились.

Под травой, разморенный, кайфуя от Аниного минета, Юра думал о жене. Ее было жаль. Вышла замуж за клерка, он ее бросил с ребенком и ипотекой, и как она теперь?

Стало стыдно. Юра подумал, что продаст кусок и вправду подкинет ей денег. Кусок был здоровенный, если втридорога продавать лошкам-первокурсникам, то можно на год ипотеки ей денег дать. На полгода точно. Кончил Юра в тот момент, когда думал о том, что можно не заморачиваться и продать через Дису, и его рожа подпортила кайф.

Диса Юру выслушал и попросил показать. Потом взял пробу. Шмат был приличный, и весь его Диса забирать не хотел — сказал, что нет у него с собой столько денег. Но покупателя найдет и сам наварится слегонца. Юра был не против, Диса назвал цену куда большую, чем Юра рассчитывал.

В назначенный день Юра стоял в костюме и с портфельчиком на мосту и ждал Дису. Он воображал себе, как сейчас придет к жене, выложит на стол пачки, связанные банковскими резинками, и вернется к Ане. Заставит убрать в квартире и установит хоть какие-то правила. Типа — смывать за собой и график дежурства на кухне.

Диса шел навстречу и широко улыбался. Юра не видел, что в это же время к нему со спины подходят еще двое. И как только Юра протянул Дисе пакет, они, легко приподняв Юру, перебросили его через парапет. Зацепиться он не успел и полетел прямо на проезжающие под эстакадой машины. В полете он думал о том, что просрал жизнь. И про то, что как же так, мама?

Диса еще не знал, что скоро один из этих бравых молодчиков, Илья Сокольский, крепкий и туповатый, сольет его ментам вместе со всеми явками, дилерами и покупателями. Он и предположить не мог, что Илья был не стукачом от конкурентов,

освобождавших поляну, а был он обычным следаком в отпуске, и никто его ни на какое задание не отправлял. И, если бы Диса узнал правду, он бы ни за что в такую правду не поверил.

Илья вырос в хорошей семье, с отцом — известным спортсменом — и утонченной мамой, которая раз в месяц водила его в театр или филармонию. Когда от передозировки скончалась бывшая одноклассница, Илья записался на военку и попросился в органы. Не было у него каких-то романтических чувств к однокласснице, даже дружеских не было, но Илья был молод, и у него еще никто не умирал. Ему хотелось посвятить жизнь чему-то важному и полезному, совершить героическое и, наконец, заважать себя.

Отец был человеком с большими связями и без труда пристроил сына в отдел. И какое-то время Илья был счастлив. Он жил в голливудском боевике — устраивал облавы в клубах, выслеживал торчков, искал банчил, которых молодняк звал «драгдилерами». Бросали так небрежно: «Мой драгдилер говорит»... и какую-нибудь банальность.

Потом Илья влюбился в инспектора по делам несовершеннолетних, строгую девушку Юлю. Во время долгих прогулок они говорили о том, как сделать мир лучше. Юля не особо верила в то, что это возможно, но Илью поддерживала, постоянно рассказывая о своих севших на иглу и погибших подопечных. Илья чувствовал невероятное родство и думал, что Юля и есть — та самая.

Конечно, он не мог не замечать, что некоторые сослуживцы живут слишком уж роскошно для сотрудников, а другие перед неудавшимися облавами куда-то называются, и много чего еще, но всегда оставался шанс, что это просто прикрытие — подыгрывают, втираются в доверие, стараясь поймать кого-то покрупнее.

Потом госнаркконтроль расформировали, а Илью перевели в полицию. Сначала Илья не придал значения — ну дальше до работы на одну остановку, какая разница. А когда понял, — затосковал. Это было позорно — мордобой, бытовуха, мелкие воришки. Что-то из компетенции Юли, которую он уважал, конечно, но всегда думал, что она делает дела помельче, не такие важные, как он, и не такие опасные. Илья даже собирался уйти куда-нибудь в разведку, но Юля его переубедила.

Она рассчитала верно: у Илюшиного папы связи, папа постарается, и в полиции неглупый и хваткий Илья быстро поднимется по карьерной лестнице, главное, чтобы не ушел. Она долго говорила о том, что если не он, то кто? И что он и тут может делать мир лучше. Илья истолковал все по-своему, но вдохновился. Последним неоконченным делом в наркконтроле был Диса. А дело нужно доводить до конца. Вместо того, чтобы поехать с Юлей и родителями посмотреть Крым, Илья взял отпуск и «внедрился». Это оказалось довольно просто — попросил друга наехать на Дису в клубе, а потом вступился и ляпнул, что безработный телохранитель. Диса заинтересовался. У Илья оказалось недорого. Видел такое в каком-то фильме.

Диса был, конечно, мелким барыгой, но, с другой стороны, необычайно суетливым, а потому закупался в пяти местах одновременно и банчил по всему городу. И взять его надо было так, чтобы повязать сразу всех.

Юле все это не нравилось — подозрительно просто — внедрился мгновенно, сразу все разузнал. Илья пытался объяснить, что в связи с их расформированием наркоши распустились вконец, да и сам Диса не семи пядей во лбу, но Юля не верила. После отпуска она перебралась к его родителям, пекла им штрудели и вечерами ходила с его мамой в театр.

Через три недели Илья взял четыре точки за раз. Пятый барыга сбежал. На этом Илья посчитал свою миссию выполненной. Он вернулся к семье и расследованию мелкой бытовухи. Юля вскоре забеременела и родила Павлика — 3,98. Илье прислали погоны, потом еще и еще, и жизнь его окончательно наладилась. Пятый барыга его не искал, а Диса, судя по слухам, отсидев, уехал из города.

Диса всегда был хорошим мальчиком, надеждой учителей и маминой радостью. Даже одноклассники особо его не чморили, потому что он хоть и был ботаном, но всегда давал списать. Да и гулять он не ходил не потому, что не хотел, а потому что подрабатывал грузчиком на почте:

— Реально жрать нечего, пацаны.

Мама его работала продавщицей в гастрономе, в рыбном отделе, и от нее пахло даже после бани. Диса любил маму и никогда ее не расстраивал.

Он завидовал пацанам, на которых мамы орала, а отцы пороли. Это, казалось, пережить было легче, чем ее собачий взгляд и поджатую губу. Она просто тревожно заглядывала в глаза, потом отворачивалась и смотрела снова. Так, будто вот-вот расплачется. Диса ненавидел себя в такие моменты. Мама посвятила ему всю свою жизнь, она батрачила в магазине, стоя, со своими протрузиями, а по утрам не могла встать. Обычно Диса успевал помочь перевернуться и делал массаж с водкой, после чего она, охая, поднималась и расхаживалась только к концу завтрака. От постоянной работы с заморозкой ладони у нее стали широкими, почти мужскими. Они даже после отпуска оставались красными и шелушились. И насморк до конца никогда не проходил — нафтизин мама покупала целыми блоками. Но больше Дису расстраивало не это.

Его мама была женщиной очень влюбчивой. Признать она этого не хотела, но время от времени в ее рассказах начинал преобладать то грузчик, то экспедитор, то веселый покупатель. И мама задорно и немного смущаясь рассказывала об их ухаживаниях, а потом смотрела на свои руки, прятала их под стол и мрачнела. Она всем отказывала. И сколько ни убеждал ее Диса в том, что она все еще красивая и молодая и что нужен ей мужчина, потому что Дисе скоро уезжать, мама кивала и продолжала отказывать.

Диса надеялся, что, оставшись одна, она заскучает и на кого-нибудь все же согласится, но мама говорила, мол, слишком стара для всего этого. А потом запоем читала любовные романы. И Диса замечал, как она, перелистывая страницу, видит свою руку и вздрагивает. Он убеждал ее сменить работу, но в рыбном и правда платили хорошо. Мама откладывала на его учебу, и оставалось нормально — раз в три дня они ели мясо. Диса тоже откладывал на свою учебу. Не на платное, конечно. На билет, общагу и на то, чтобы не работать до следующего лета — мало ли, вдруг нагузки.

После школы Диса учил уроки, шел разгружать и снова учил. Хотел медаль, но с гуманитарными было плохо, особенно с литературой. Он не понимал, что именно нужно запоминать и почему литераторша делает такие странные выводы из чьих-то смертей и любовных походов. Впрочем, литература ему и не понадобилась. После школы он поступил в пищевой, на сыроварение. Говорили, что из-за санкций эта отрасль скоро начнет бурно развиваться, но Дисе было все равно. Лишь бы бюджет.

Диса воображал, что в городе его ждет другая жизнь — без почты, маминого рыбного, одноклассников. Город и вправду потряс — сияющие вывески, широкие проспекты, торжественная громада института. Однако вскоре стало ясно, что жизнь его никак не изменится — он будет отсиживать пары, шлепать в библиотеку, сидеть там, потом найдет подработку и будет после библиотеки также горбатиться за три копейки. И поселили его с такими же нищобродами, тоже ботанами-девственниками из соседних деревень. И девочки к ним в гости заходили страшные, прыщавые и робкие. Раньше Диса был уверен, что институт — это уже красивая жизнь, а тут выяснилось, что она красивая только для тех, у кого она и до этого была красивой, а у Дисы продолжается его жалкое существование, просто в другом месте и с другими людьми.

Прыщавый Косой влюбился в преподшу, целыми днями таскался за ней по универу, а ночами дрочил, мешая спать. Второй сосед был родом со Шпалзавода, и Дисе казалось, что это его полностью описывает.

Хотелось не быть с этими, хотелось к тем, хорошо одетым ребятам-старшекурсникам, которые не варят себе макароны на дряхлой плитке, а едят в столовой, играют на гитаре между этажами и тусуются в курилках. Диса закурил. Это ему не нравилось: воняло и кружилась голова, а потому он был уверен, что с легкостью бросит. Тем более, это было дорого. Но к крутым притереться получилось.

Там он познакомился с Кирой, девочкой не очень красивой, но ухоженной и с деньгами. Кира сводила его в парикмахерскую, подарила ему рубашку и пару ярких футболок, и Диса стал выглядеть почти как они. Правда, теперь ему было уже не так важно — с Кирой он лишился невинности и предпочитал проводить время голым, о чем и сообщал своим ботанам с вальяжным видом. С тех пор, как старшекурсники Дису приняли, ботаны его тоже зауважали. Он уже пробовал водку и пиво, а как-то раз его пьяного притащила в общагу Кира.

Диса не заметил, что тусовка у них с Кирой постепенно меняется, что в ней появились две отчисленные девчонки, уходившие ночью на вокзал. Говорили, что в клуб, но денег на вход у них не могло быть и настроения для тусовок тоже. Эти девчонки и предложили попробовать дурь. Диса особо ничего не почувствовал — так, для галочки, чтобы и это вальяжно сообщить пацанам, а вот Кире очень понравилось. Ей почти сразу захотелось секса, она затащила Дису в аспирантский душ и так стонала и извивалась, что Диса кончил дважды. Все как-то незаметно начали время от времени употреблять.

Кира попросила денег на аборт. Диса был поражен, он еще не решил, стоит ли им заводить ребенка, — это даже и можно было бы — у Киры богатые родители, они бы помогли. Но Кира не захотела, и Диса денег дал. Это были последние из тех, что он мог потратить в этом месяце, и ему пришлось почти неделю доедать за ботанами и ходить в гости в надежде, что покормят.

Кира пропала. Вернулась она через пару дней, потом снова пропала. Косой сказал, что ее видели на вокзале с проститутками.

Диса сначала не поверил. Это была какая-то чушь из американского кино — какие-то проститутки, наркота да и аборт тоже. Он стал спрашивать, искать, выяснять и с ужасом обнаружил, что все это правда. Отчисленные девчонки ходили работать на вокзал, сутенер посадил их, они посадили Киру, которая уже давно не травку покуривала, а пошла по вене. Никакой беременности не было, конечно. И изменяла Кира Дисе по четыре-пять раз за ночь. Вокзальных проституток редко бронировали на всю ночь — обычно на минет или на час.

Диса был в таком шоке, что сутки пролежал глядя в потолок, даже институт прогулял, чего с ним еще не случалось. Отчисления он боялся страшно. А на следующий день Диса почувствовал себя звездой. Ботаны все разболтали, девочки жалели Дису, пацаны сочувствовали, но в этом сочувствии сквозило какое-то детское уважение. Все они, все сто человек, даже самые прожженные, — просто дети. А у чувака девушка (у него уже была девушка!) села на иглу и стала проституткой. Такая драма, о.

Дисе это очень понравилось. С ним говорили уважительно, как с крутым, старались познакомиться, дать сигарету, сесть к нему на поточке. Романтический герой.

Диса даже к Кире начал заходить, хотя ему это было неприятно, она плохо выглядела и постоянно клянчила денег. Но больше пугало даже не это, а ее отрешенный равнодушный вид, будто это была уже не она, а только тело от нее. Диса подолгу курил на этаже, настраиваясь на то, чтобы войти к ней. Пробежавшие мимо студенты сочувственно на него смотрели.

Появились девочки, готовые Дису отвлечь и утешить, — одна в группе, а другая в общаге. Это были не страшные ботанши, а классные девчонки. Та, что жила в общаге, Тамара, вообще занималась восточными танцами и была звездой всех университетских праздников. Она так томно смотрела в зал, когда прогибалась спинку,

что о ней всерьез даже никто не думал — слишком красивая, слишком аппетитная, вся — слишком. А главное, у нее была поразительная задница. Взгляда не оторвать: две глубоко разделенные половинки, округлые, как мячики, и неприлично манящие.

И вот Тамара, проходя мимо курившего Дису, вдруг усаживается на подоконник, закидывает ногу на ногу и, прогнувшись вперед так, что раскрывается декольте, спрашивает:

— Ты правда ее любишь?

Возможно, Диса и растерялся бы, если бы воспринимал Тамару всерьез, но она была слишком хороша для него, потому и говорить с ней оказалось легко. Примерно как с преподавателем. Тамара позвала на кофе, они долго болтали. Соседок не было. Диса прохаживался по ее комнатке и замирал, опираясь на стену или присаживаясь на спинку стула, когда она двигалась. Она сидела то по-турецки, то подвернув под себя колени и время от времени меняла положение. Диса в эти моменты видел, что трусики у нее алые. Она позвала зайти еще, потом заходила сама, чем повергала его ботанов в шок.

Она села к нему на колени прямо на троллейбусной остановке у института. И не просто присела, чтобы не испачкать пальто, как она сказала, а конкретно так присела, расставив ноги и будто бы стараясь нащупать промежностью его член. У Дису встал. Она явно почувствовала и, не поднимаясь, повернулась к нему и посмотрела лукаво. И только тут Диса понял, что она не просто жалеет его, она его хочет. Он смутился и в троллейбусе старался смотреть в другую сторону. Тамару это веселило, она пихала его и дергала, стараясь растормошить, но Диса будто опьянел — это было унижительно и хотелось поскорее от нее уйти. Не от тела ее, а от этого игривого взгляда.

У общаги их встретили ее сокурсники и отвели в сторонку. Перетереть. Диса думал, что пора получать по морде, однако сокурсники поинтересовались, может ли Диса достать. И почему. Диса на радостях от того, что бить его не будут, пообещал узнать и правда сходил к Кире. Оказалось довольно дешево, он накинул триста рублей сверху и впервые заработал. Все это время он жил на накопленное. Мама тоже присылала ему, но ее деньги он не тратил, складывал, чтобы потом вернуть. Про работу он вспомнил только сейчас — здесь мало кто работал, все больше учились и пьянствовали.

Парни пришли снова, привели еще одного. Потом и ботаны захотели попробовать. Диса решил им не продавать — боялся спалиться в собственной комнате, поэтому вместо травки насыпал им чаю. Ботанов торкнуло — Косой постоянно ржал, танцевал под неслышную музыку и махал руками, а Шпалзавод хихикал и повторял: «Торч! Ваше торч!» Дисе было очень смешно, но он все равно не признался — пришлось бы вернуть деньги, да и Шпалзавод вряд ли смог бы его простить.

Диса быстро развернулся — перестал покупать через Киру — родители наконец забрали ее домой. Он вышел на ее сутенера, стало еще дешевле. Клиенты прибавлялись с бешеной скоростью, и неясно было, откуда они про него знают. На выходные Диса снял номер в отеле, и они с Тамарой провели там ночь. Спа, шампанское и ее дивная задница, которую Диса щупал, целовал и даже укусил в порыве чувств. С Тамарой было легко и весело, деньги сами шли в руки, и Диса подумывал жениться. Тамара на это только посмеялась, но познакомиться с мамой согласилась. И даже предложила Дисе съездить с ним в его городишко.

Диса испугался — не очень-то ему хотелось, чтобы Тамара это видела. Сейчас он для нее романтический герой, модный, при деньгах, но он представил себе мамин рыбный, облезлое здание почты, грязь и лужи. Стало стыдно. Вместо этого он пригласил маму на Новый год, и она приехала. Отмечали вместе с соседями и телкой Шпалзавода. Диса боялся, что Тамаре станет скучно. Но она видела, какой эффект производит на Косого и сколько ненависти к ней испытывает телка Шпалзавода, и это

ее веселило. Минут через двадцать, впрочем, она увела Дису к себе за шампанским и трахнула в позе наездницы. Это был их последний раз.

Пока Диса выгуливал маму, Тамара узнала, откуда у него деньги. И отрубила — жестко и навсегда. Диса таскался за ней, что-то обещал, но она просто проходила мимо. Молча. Повиливая своим роскошным задом так, будто Дисы не существует. И никогда не существовало в ее жизни. Это было обидно. Диса запил, сам начал употреблять и чуть не сдобрился — спасло его отчисление. На горизонте замаячила армия, родной городишко, но Диса заплакал, когда рассказывал коменде о Кире, которую уже выгнали, потом о Тамаре, которая его бросила. Коменда сжалилась и не забрала пропуск. Диса мог оставаться в общежитии до конца года.

Нужно было заработать как можно больше, и Диса принялся так яростно банчить, что, конечно же, попался. Заметив в кабинете Илью, он не сразу понял, в чем дело, — подумал, что того тоже поймали и привели для очной ставки. Быстро проинструктировал, чего наврать следователю. Когда Илья ответил, что следователь — это он и есть и показал на диктофон, Диса рассмеялся. Очень уж тупо получилось.

На улице было зябко. Моросил мелкий дождик. Капельки его сияли в свете фонарей, и сами фонари становились похожими на фантастические одуванчики из кино. Никита любил этот район. Эстакада, под которой можно было припарковаться, гигантская гостиница с сияющим клубом на первом этаже и рестораном на втором.

Жена говорила, что ее бесит весь этот хай-тек в историческом центре, а Никиту пёрло. Перло от всего. От того, что он сидит за рулем новейшей тонированной бэхи, от того, что он женат на дочери бизнесмена и от того, что жена на сохранении, а потому не узнает, во сколько он вернулся и вернулся ли вообще. Перло от салфеточек на кухне в специальном держателе, от покупных тряпочек для обуви, от крохотного брелка бэхи, который он небрежно бросал на стойку в баре и от своей мускулистой руки с аккуратными ногтями, которые отполировала маникюрша жены.

Жену Никита не любил. Она была беспомощной и глупой, но корчила из себя интеллектуалку, щедро пересыпая речь замысловатыми терминами. Тещу всегда это умиляло. Ей вообще нравилось, что они все такие умные — и дочь, и тещь, и родители тещи. А Никита ей больше не нравился. Тяжело было выносить этот недобрый холодок во взгляде, и Никита старался как можно реже встречаться с ней.

Это теща взяла его на работу, бездомного лимитчика после армейки, затянутого в дешевый, стоявший колом костюм с рынка. Он, еще входя в офис, понял расклад. Муж Лауры, коренной москвич, имел образование, фирму, которой хорошо управлял, связи и деньги, а эта ушлая бабенка, приехавшая в столицу уже изрядно потасканной, просто хорошо устроилась. Захомутила. Еще имя такое, проститутское.

Он по улыбочке ее понял, что она видит своего — смелого бойца, готового выгрызть себе место под солнцем. Утром он возил ее на работу, хотя она водила лучше него, и никак не мог понять, зачем она вообще работает. Могла бы целыми днями торчать в спа и ресторанах, но Лаура впахивала вместе с мужем и вела дела куда агрессивнее. Она говорила, что деньги ей надоели, и все эти спа и рестораны — это так, приятная приправа к жизни. Делать бизнес — единственное, что ей сейчас интересно. Ну, или почти единственное. Никита поймет, когда поднимется повыше, если, конечно, будет послушным мальчиком. Никита был. Они заезжали в лесок за гаражами, и Никита имел ее на заднем сиденье — яростно и до боли. Ей так нравилось.

Потом он вез ее дочь в институт и посматривал в зеркало — было неловко, что дочь сидит на том самом месте, где он только что драл ее мать. Дочь думала, что он смущается и флиртует. Она первая его поцеловала. Никита сначала хотел ее отшить, но Лаура уже две недели его игнорировала — ездила на другой машине, сама, и Никита решил, что она его бросила.

Дочь Лауры требовала, чтобы он встречал ее прямо у института, на глазах у таких

же бледных сокурсниц. Все они были одеты вычурно, в какие-то балахоны странных фасонов, очки с огромными оправами, с крашенными в невероятные цвета волосами, но именно от этого их желания выделиться они сливались в одну общую массу из тканей и аксессуаров. Как сливались в единую массу бизнесмены в идеальных, будто литых костюмах. Лаура была другой. Она была полнокровная, пышущая энергией и даже одетая в темные джинсы со свитером притягивала к себе внимание.

Дочка копировала маму в движениях, в манере говорить, но казалась тощим нераскрашенным слепком. Она под каким-нибудь замысловатым предлогом заманивала Никиту к себе в комнату, когда родителей не было. Сексом занималась без удовольствия, и лицо у нее было такое, будто она пытается понять, что происходит и нравится ли ей это. Потом она забеременела и поставила Никиту перед фактом.

Лаура устроила скандал, требовала аборта и увольнения, дочка плакала, уткнувшись в Никиту, а отец ходил за Лаурой по комнате и убеждал, что оно ведь не так плохо — ему тоже говорили, чтоб не смел жениться на ушедшей лимитчице, но он не послушал и уже сколько лет счастлив в браке. Никита автоматически усмехнулся, вспомнив лесок, и именно в этот момент в глазах у Лауры осел этот недобрый огонек.

Они даже поговорили потом, и будущая теща ему все высказала. Воли она была железобетонной, терпеть умела и пригрозила, что отравит, если вдруг что. А потом замутила с охранником на глазах у Никиты.

Никиту это мучило, но ничего уже было не исправить. Да и не слишком хотелось — глупо менять утренний перепихон с замужней теткой на козырное место в зятях землевладельца. Теперь каждую секунду своей жизни Никита наслаждался. Включая кофемашину утром, давая распоряжения домработнице, утопая ступнями в ворсистом коврик в ванной, доставая дорожную бритву, сжимая в руке стеклянный телефон. Приятно. Приятно. Приятно. Это была жизнь. И все его страдания — нищее детство в маленьком городишке, армейка, работа — всё это было платой за то счастье, которое он теперь испытывал. Ежедневно, ежесекундно. Правда, со временем оно стало приедаться и хотелось чего-то еще. Выпить, съездить куда-то, девку.

Никита вынул дорогую сигарету из плотной картонной пачки и подумал, что нужно будет купить портсигар. Золотой. Можно было покурить и в машине, но после этого костюм и салон пропитывались тяжелым запахом прелого табака, что могло отпугнуть потенциальных клиентов. Тесть все еще не терял надежды — думал, что со временем Никита включится и тоже начнет работать.

Вспомнив о клиентах, Никита поморщился. На работу он ходил как попало, между фитнесом и магазинами, но сегодня по просьбе тестя весь день проторчал в офисе, ожидая, что застройщик хотя бы перезвонит. Сам Никита позвонить не мог, тесть разыгрывал хитрую комбинацию — нужно было создать видимость бешеного ажиотажа вокруг мертвого объекта, чтобы покупатель, боясь потерять выгодное предложение, поторопился с покупкой. А потому клиент сам должен был позвонить. На этот раз Никита, похоже, вместо клиента обманул сам себя — этот кусок земли с теплотрассой под ним никто покупать не хотел.

Сказывались накопившаяся за день усталость и хроническое раздражение на вечно ноющую жену — пришлось к ней заехать. Никита радовался, что ее положили в больницу — не надо было изображать любовь и заботу. В последнее время это стало напрягать. Чтобы развеселиться, Никита вообразил себе грядущую встречу одноклассников.

Поедет на бэхе. Бросит брелок на парту и расскажет, что поднялся, укоренился в столице, квартиру вымутил внутри кольца, должность и сын вот теперь еще. Знала бы мама, как она была не права, ругая его за то, что он вместо учебы волочит за юбками.

— Делай то, что у тебя лучше всего получается, — подумал Никита и усмехнулся.

Надо было кого-то склеить. Приятно было представлять себе, какая это может

оказаться девчонка. Цвет волос, форма губ, запах. В штанах еще не наливалось, но уже чуть заметно наполнялось предвкушением. В легкие втекал ароматный табачный дым, перемешанный с влажным воздухом. Мерзли лодыжки под брюками. Смотрела на него симпатичная брюнетка с блестящей сумочкой. Можно будет и ее. На десерт. Познакомиться ближе к утру и прихватить домой. Домработница придет к обеду.

У клуба «Перезагрузка» терлась толпа разгоряченного танцами молодняка — тоже курили, ежась и пританцовывая от холода. Смешиваться с ними не хотелось, поэтому Никита выкурил еще одну, наслаждаясь моментом.

За столиком поджидал Диса. Он пожал Никите руку и улыбнулся:

— Соль новую привезли. Бомба!

Никита пожал плечами:

— Да я бы чего-нибудь... Даже не знаю.

Диса подмигнул и вынул из кармана кусок плана, по форме напоминающий перепелиное яйцо:

— На пробу. Для нашего постоянного клиента.

— Ну, ты это... Полегче, — звание постоянного клиента Никите не понравилось. — Гашиш? Реально?

Диса улыбнулся:

— Натур продукт. Чистейшая конопля.

— Офигеть!

— Студенты подогнали. Не гидропоника.

На Никиту нахлынули воспоминания — бульбулятор в подъезде перед школьной дискотеккой, одноклассники. Потом увольнение в армии — и тоже гашиш. Час не отпускал проститутку — никак не мог кончить.

— И как приход? А, ты же — все, — Никита вспомнил, что Диса больше ничего не гарантировал.

Говорили, что у него сдохла подружка и сам он чуть не сдобрился в прошлом году — с тех пор перестал пробовать товар.

Гашиш — это было хорошо, можно было и потанцевать, и склеить девку. Ничего крепче Никита и не хотел — боялся подсесть. А если менять вещества и употреблять их редко, то шансов меньше. Выкурив в вип-туалете косяк, Никита долго еще сидел на крышке унитаза, чувствуя, как волна покоя разливается по его телу. Время замедляется. И сам Никита становится плавным, тягучим и очень приятным.

На выходе из туалета он заметил за стойкой ту брюнетку с блестящей сумочкой и двинулся к ней вдоль танцпола. Танцующие шибали его, тыкались, но тело у Никиты было мягким, как море. Он, стуча сердцем в такт музыке, обволакивал этих жестких людей и утекал. Проплывая мимо огромного, во всю стену, зеркала, Никита замешкался — ему показалось, что в отражении промелькнуло лицо мертвого монгольского мальчика. Мальчик был совершенно голым, он смотрел на Никиту не мигая и почему-то высунул язык, будто показывал врачу горло. Никита обернулся — мертвый монгольский мальчик стоял на танцполе. Просто стоял и не шевелился.

Никита разозлился. Наверняка нечистый на руку Диса, пытаясь продать хоть немного, намешал в гашиш какой-нибудь химии, и теперь Никиту глючит. Он не глядя выбросил весь кусок в ближайшую урну и шагнул на танцпол.

Мальчик пропал.